

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра английского языкознания

Идеи. Поиски. Решения.

Сборник статей и тезисов XV Международной
научно-практической конференции
преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов

Минск, 23 ноября 2021 года

В шести томах

Том I

Минск
БГУ
2021

Решение о депонировании вынес:
Совет филологического факультета
протокол № 4 от 28.12.2021 г.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент Важник С.А. – председатель;
доктор педагогических наук, профессор Нижнева Н.Н. – отв. ред.;
доктор филологических наук, профессор Ровдо И.С.;
доктор педагогических наук, профессор Костикова Л.П.;
кандидат филологических наук, доцент Гутовская М.С.;
кандидат филологических наук Астапкина Е.С.;
кандидат филологических наук, доцент Кулиева О.Н.;
кандидат филологических наук, доцент Мальцевич Т.В.;
доктор гуманитарных наук в области языкознания Нижнева-Ксенофонтова Н.Л.;
кандидат педагогических наук, доцент Толстоухова В.Ф.

Рецензенты:

доктор филологических наук А. А. Баркович;
кандидат филологических наук, доцент Н.М. Шахназарян.

Идеи. Поиски. Решения : сборник статей и тезисов XV Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, Минск, 23 ноября 2021 г. В 6 т. Т. 1 / БГУ, Филологический фак., Каф. английского языкознания ; [редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – 163 с. – Библиогр. в конце ст.

В сборнике статей и тезисов XV Международной научно-практической конференции раскрываются различные подходы к решению проблем межкультурной коммуникации, перевода художественной, научно-технической литературы. Рассматриваются инновационные методы и технологии обучения иностранным языкам, исследуются проблемы современной высшей школы. Анализируются проблемы зарубежного и отечественного языкознания.

Том I содержит материалы проблемного поля «Языки в статике и динамике».

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов.

ЯЗЫКИ В СТАТИКЕ И ДИНАМИКЕ

ПОНЯТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ

Адамович Е.А.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается эмоционально-оценочный пласт лексики, его особенности и процесс выделения из лексики в целом. В работе выводится наиболее полное и логичное определение эмоционально-оценочной лексики, а также выделяются критерии ее отбора. Наиболее важным аспектом в процессе определения эмоционально-оценочных слов выступают единицы-маркеры оценочности и эмоциональности в лексическом значении рассматриваемых слов. Актуальность работы обусловлена важной ролью эмоций в языке и, следовательно, необходимостью должным образом изучить средства языка, отвечающие за их выражение.

Ключевые слова: эмоционально-оценочная лексика; эмоции; лексическое значение; коннотация.

Язык – одно из главных средств для установки контактов между людьми и, следовательно, для передачи мнений, эмоций, оценок и т.п. Поэтому в нем присутствуют самые разнообразные средства эмоциональной выразительности. Одним из таких средств является и эмоционально-оценочная лексика. Она представляет собой важный пласт лексики в любом языке, поскольку непосредственно связана с понятием коннотации, или факультативного элемента лексического значения, отвечающего за отражение субъективных мнений, экспрессивность и стилистическое разнообразие в языке. Большая роль отводится эмоционально-экспрессивной лексике в художественной литературе.

Говоря об эмоционально-оценочной лексике, стоит установить роль эмоций в языке. В Большом толковом словаре значится следующее: эмоции 'субъективные реакции человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, проявляющиеся в виде радости, страха, удовольствия или неудовольствия; чувство, душевное переживание человека' [2]. Выражение эмоций крайне важно для человека, поскольку именно через них мы способны полной мере высказать собственное отношение к чему-либо. Эмоции занимают прочную позицию во всех сферах жизни человека. В большей степени трансляция эмоций связана со сферой человеческого общения, в частности, вербального. Наиболее наглядно эти сигналы отражаются в процессе вербального общения. Большую часть времени для установления контакта с окружающим миром, для выражения своих мыслей и чувств человек использует именно язык. Краткий словарь системы психологических понятий дает следующее определение общения: «Общение – это взаимодействие субъектов, в котором происходит обмен рациональной и эмоциональной информацией, деятельностью, опытом, знаниями, навыками и умениями, а также результатами деятельности» [6, с. 79]. Таким образом, вербальная коммуникация между людьми также подразумевает передачу некой информации, однако далеко не всегда эта информация представляет собой фактическое сообщение. Зачастую, передаваемое сообщение включает в себе как когнитивную, так и эмоциональную информацию. Иногда же в его основе может лежать исключительно эмоциональный посыл. В классификации функций языка и речи Якобсона эмотивная функция стоит наравне с когнитивной и отвечает за выражение непосредственного отношения говорящего к предмету речи, а также за передачу его действительных либо желаемых эмоций оппоненту. Тем не менее, сообщения практически никогда не выполняют только одну

функцию [8, с. 197]. Чисто эмотивными считаются междометия, которые, в целом, употребляются не столь часто, как, например, стилистически маркированная лексика, заключающая в себе не только реальные сведения о предмете, но и различные коннотативные элементы, а также различные внеязыковые детали (стиль и жанр сообщения, отношение к предмету и т.д.) [5, с. 67].

С эмоционально-оценочной лексикой также связано понятие коннотации, поскольку эмоциональный и оценочный элементы являются частями именно коннотативного значения (наравне с экспрессивным и стилистическим элементами). Оно же, в свою очередь, вместе с денотативным значением представляет собой часть лексического значения с одним различием: коннотативное значение факультативно. Разные коннотации встречаются в лексическом значении в разных комбинациях, т.е. присутствие всех четырех элементов необязательно, хотя и не невозможно [1, с. 6, 37].

Для того, чтобы вывести наиболее полное и функциональное определение эмоционально-оценочной лексики, необходимо более подробно рассмотреть понятия, сопряженные с ней, и, в первую очередь, непосредственно входящие в термин.

Вопрос разграничения эмоциональности и оценочности является наиболее затруднительным. Среди лингвистов об этом существует несколько мнений. Некоторые из них воспринимают два термина как полные синонимы, т.е. приравнивают их друг к другу (например, Н. А. Лукьянова). Другие же строго разделяют их, утверждая, что оценочная лексика не во всех случаях будет эмоциональной. И. В. Арнольд ставит эмоциональную и оценочную коннотации отдельно, а под последней подразумевает наличие в значении одобрения либо неодобрения. [1, с. 7]. Тем не менее, это звучит не вполне убедительно, поскольку обе эти оценки могут выражаться через те же элементы, что и эмоциональность. Важно также

рассмотреть значения слов, лежащих в основе данных понятий: эмоциональный 'относящийся к выражению чувств, настроений, субъективного отношения' [7]; оценка '3. перен. мнение, суждение о качествах, характере кого-л., чего-л.' [3]). Поскольку в понятие эмоциональности входит выражение собственного отношения к предмету речи, а оценка подразумевает под собой мнение о нем, можно заключить, что термины, стоящие под вопросом, в контексте данной работы допустимо рассматривать как одно целое.

Вопрос соотношения понятий эмоциональности и экспрессивности также неоднозначен. Лингвисты расходятся во мнении относительно них: одни их не разграничивают, другие – объединяют их и рассматривают вместе, третьи – выступают за их полную самостоятельность. В Лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой приводится следующее определение экспрессивности: «экспрессивность (от лат. *expressio* – выражение) – совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают её способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [4]. Данное определение представляется наиболее логичным, поскольку эмоциональность языка подразумевает его связь с чувствами и отношением человека к предмету речи, а экспрессивность, в свою очередь, означает набор средств языка, позволяющих ему выражать вышеупомянутые чувства и отношения.

Следовательно, под эмоциональной лексикой будут пониматься те слова языка, которые содержат в значении единицы, связанные с выражением субъективного мнения, эмоций и т.п., в то время как экспрессивная лексика будет представлять собой языковые единицы, обладающие некоторыми стилистическими, семантическими и другими свойствами, необходимыми для передачи подчеркнуто

эмоциональных значений, т.е. для усиления выразительности. У И. В. Арнольд под экспрессивным элементом коннотации также подразумевается наличие у значения свойств, акцентирующих то, что называет слово [1, с. 7].

Учитывая все рассмотренные выше понятия, можно вывести следующее определение эмоционально-оценочной лексики. Эмоционально-оценочная лексика – это языковые единицы, выражающие субъективное отношение говорящего к предмету речи, его положительную или отрицательную эмоциональную оценку.

Заключительным этапом исследования эмоционально-оценочной лексики является рассмотрение возможных критериев ее отбора. Их не так много, однако для каждого существуют свои нюансы, которые не всегда поддаются полностью объективной оценке.

Во-первых, важно рассмотреть междометия. Междометия – чисто эмотивные единицы, к тому же, зачастую, универсальные для различных эмоций. В предложении их поясняют другие слова, за которыми стоит реальная когнитивная информация, либо же их значение выводится из всего контекста и посему обычно остается воспринимается получателем сообщения субъективно. На этом основании можно предположить, что междометия не стоит включать в группу эмоционально-оценочной лексики.

Далее нужно отметить слова с различными аффиксами, добавляющими исходному слово эмоционально-оценочную коннотацию. В русском языке это явление более распространено, чем в английском. В последнем такие аффиксы существуют, однако используются непродуктивно (например, уменьшительные и уменьшительно-ласкательные суффиксы -let, -y). К тому же, в словах с данными аффиксами коннотация не всегда четко видна. Учитывая все вышесказанное, выявление эмоционально-оценочной лексики на основании аффиксов не вполне целесообразно.

Самым надежным критерием является наличие в лексическом значении единиц-индикаторов эмоциональности или оценки. Таковыми, например, являются собственно названия эмоций, слова хорошо и плохо и им подобные. Безусловно, здесь также будут случаи, где объективно судить крайне сложно, однако проблемы такого рода рано или поздно возникают, когда речь идет об эмоциональности, коннотации и эмоциях в целом.

Еще одна группа слов, которую необходимо рассмотреть, – это слова, приобретшие эмоционально-оценочный окраску вследствие употребления их в определенном контексте. Т.е. речь идет о нейтральных словах, использующихся в переносном значении (в качестве метафоры, гиперболы и любого другого приема, подразумевающего наделение слова значением, отличным от его обыкновенного значения). Такие слова вполне могут быть отнесены к эмоционально-оценочным при условии, что материалом для исследования будет являться художественный текст, где вышеупомянутые приемы повсеместны, поскольку в лексикографических источниках отсутствует контекст и нет условий для возникновения, например, окказиональной коннотации.

Таким образом, после рассмотрения положения в языке эмоций в целом, в статье было установлено, что под собой подразумевает понятие эмоционально-оценочной лексики. Данное понятие тесно связано с коннотативным элементом лексического значения и представляет собой пласт лексики, выражающей субъективное отношение адресанта к предмету речи, его одобрение либо неодобрение. Также, в статье было выявлено, какие единицы относятся к данному пласту лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд : Сборник статей / Науч. редактор П.Е.Бухаркин. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 444 с.
2. Большой толковый словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>. – Дата доступа: 27.03.2021
3. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.efremova.info/>. – Дата доступа: 25.03.2021
4. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html>. – Дата доступа: 20.03.2021
5. Петрищева, Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка / Е. Ф. Петрищева. – М.: Наука, 1984. – 224 с.
6. Платонов, К. К. Краткий словарь системы психологических понятий / К. К. Платонов : Учеб. пособие для учеб. заведений профтехобразования. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1984. – 174 с.
7. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/?q=484>. – Дата доступа: 27.03.2021
8. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: “за” и “против” (сборник статей) / Под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193- 231

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ВОСПРИЯТИЯ

Астапкина Е. С.

Белорусский государственный университет

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению лингвистических аспектов изучения процесса восприятия: внимание уделяется изучению подходов лингвистов к описанию семантического поля «Восприятие», а также его членения на отдельные блоки, соответствующие модусам перцепции; приводятся данные лексикографических источников, указывающие на различную представленность лексико-семантической группы лексем, передающих осязательно воспринимаемые признаки.

Ключевые слова: качество, модальность восприятия, качественные прилагательные, осязательно воспринимаемые признаки.

Качество – одно из важнейших понятий, используемых человеком при осознании, описании, восприятии окружающей его действительности. Ситуация чувственного, в частности, осязательного восприятия привлекает к себе внимание не только психологов, но и лингвистов. Свойства, которые воспринимаются человеком и используются им в практической деятельности, отражены и закреплены в языке: прилагательные, обозначающие чувственно воспринимаемые признаки, входят в активный словарный запас любого носителя языка, являются одной из самых употребительных, высокочастотных и относительно стабильных групп слов в разных языках. Лексемы, характеризующие систему восприятия, являются, как правило, многозначными лексемами с разветвленной системой значений.

Несомненно, что ориентация лингвистических исследований на описание строения и функционирования в языке концептуальных

категорий восприятия, имеющих внеязыковую природу, отражает актуальность и значимость данной проблематики. Однако, несмотря на сравнительно большое количество работ, касающихся семантики восприятия, проблема остается далеко не исчерпанной. Отсутствует универсальная точка зрения не только на природу подсистемы перцептивной лексики, а именно той ее части, которая передает осязательные признаки.

Так, Ю.Д. Апресян отмечает, что система восприятия отличается относительной простотой, достаточно хорошо организована и автономна [1, с. 43, 49]. Однако закономерности языка накладывают свои ограничения на структуру и функционирование системы восприятия. Так, подсистемы системы восприятия упорядочиваются по важности в зависимости от объема информации, поступающей через них в сознание человека. С этой точки зрения главной подсистемой все исследователи считают зрение. За ней идет «слух, а затем обоняние, вкус и осязание, хотя относительный порядок трех последних систем не столь очевиден, как двух первых» [1, с. 48; 70]. В пользу того, что этот принцип упорядочивания не навязывается языку окружающей действительностью, а вытекает из языковых данных, исследователь приводит два аргумента: 1) место подсистемы в иерархии зависит от обслуживающего её числа лексем; 2) синэстетические метафорические переносы происходят строго в направлении от нижних уровней иерархии восприятия к её верхним уровням в 80 % случаев¹ (то есть номинация для верхнего уровня заимствуется из номинаций нижнего уровня, например, *сладкий запах* – *сладкий вкус*) [1, С. 364].

Несмотря на то, что лексика в меньшей степени, чем грамматика, представляет систему, в ней выделяются лексико-семантические

¹ Эта статистическая закономерность была сформулирована С. Ульманом в начале 50-х годов (см. [4])

группы лексем, описывающих ощущения органов восприятия. Это отчетливо проявляется на примере идеографических словарей, в которых основой является не научное видение мира, а семантические связи между единицами лексики. Обратимся к данным лексикографических источников о выделении групп лексем, передающих осязательно воспринимаемые признаки. Так, в тезаурусе Роже, первом идеографическом словаре, модусу тактильности соответствует две группы понятий: «Осязание» и «Осязательные ощущения». В первой группе приводятся лексемы, описывающие ситуацию тактильного восприятия в целом (например, англ. *touch* 'прикосновение', *feel* 'чувствовать', *stroke* 'ударять', *lick* 'лизать', *tangible* 'осязаемый' и др.), во втором – лексемы, обозначающие конкретные ощущения (например, англ. *tickle* 'щекотать', *itch* 'зудеть', *creeps* 'мурашки', *scratch* 'царапать', *thrill* 'вибрировать', *tickling* 'пощипывающий', *prickly* 'колючий' и др.) [6, с. 46–47, с. 191–208].

В русском семантическом словаре «Тепло» и «Холод» выделены в отдельные подгруппы, а «Запах», «Вкусовые свойства», «Осязаемость» и «Весовые свойства» объединены в один блок [2, с. 99]. В этом же словаре *осязание* определяется как «восприятие посредством прикосновения, давления, растяжения того, что ощущается кожей, телом; само такое ощущение». Данное определение отражает саму ситуацию тактильного восприятия, т.к. в нем упомянуты как способы контакта с объектом и рецепторы, благодаря которым мы получаем информацию об этом объекте, так и свойства, которые можно воспринять на ощупь (*бархатистость, гладкость, жесткость, колючесть, мягкость, шелковистость, шероховатость*) [2, с. 106, 112].

Словарь-тезаурус синонимов русской речи еще более подробно описывает ощущения каждой модальности, которые подробно рассматриваются в соответствующих «картинах мира». К

осязательной картине мира принадлежат сионимические ряды с такими доминантами как *горячий, колющий, липкий, мокрый, холодный, шероховатость*. Следует отметить группу «Физические характеристики», в которую входят лексемы, обозначающие тактильно воспринимаемые признаки, такие как *густой, жидкий, прочный, редкий, рельефность, ровность, упругий* и их синонимы [3, с. 214–217].

Рассматривая модель восприятия в русском языке, Е.В. Урысон указывает на специфичность и неравномерную разработанность данного фрагмента языка, что подтверждается существованием лакун. Во-первых, *осязание* и *вкус* обозначают прежде всего способность, но «какое-то очень слабое, представление об органе просвечивает в них», при этом странно ??*воспринимать осязанием* и плохо **воспринимать вкусом* (при том, что совершенно нормально *воспринимать слухом, воспринимать зрением* и возможно даже *воспринимать обонянием*). Во-вторых, когда человек осязает что-либо, он воспринимает лишь какие-то частные аспекты предмета – фактуру, форму, однако для данного воспринимаемого осязанием аспекта предмета в русском языке нет однословного выражения (как, например, для восприятия на слух в языке есть однословное выражение того, что воспринимается, – звук) [5, с. 85–86].

Таким образом, признаки, воспринимаемые органами чувств, выражены в значениях качественных прилагательных, которые отражают логику естественной классификации мира человеком. В осмыслении человеком окружающего мира «качество» играет одну из главных ролей, поскольку именно оно дает возможность не только распознать те или иные фрагменты (объекты) реального мира, но и объединить их на основе качественной характеристики. Семантическое поле «Восприятие» имеет четкую структуру, которая отражает сам процесс физического восприятия, и включает в себя

пять микрополей, в состав которых в свою очередь может входить несколько лексико-семантических групп разной структуры и объема.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 213 с.
2. Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову / [Ю.Н. Караулов, В.И. Молчанов, В.А. Афанасьев, Н.В. Михалев]. – М. : Наука, 1982. – 566 с.
3. Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 512 с.
4. Ульман, С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1970. – Вып. V. – С. 250–299.
5. Урысон, Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира / Е.В. Урысон. – М. : Яз. славян. культуры, 2003. – 223 с.
6. Roget, P.M. Roget's International Thesaurus / ed. by R.L. Chapman. – 5th ed. – New York : HarperCollinsPublishers, 1992. – 1141 p.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Белая Л.В.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В данной статье анализируются группы фразеологических единиц и способы их перевода в англоязычной прессе. Выявлены и проанализированы способы перевода, такие как использование эквивалентов (полных, частичных и выборочных); фразеологический аналог, контекстуальный перевод, используемый для перевода фразеологизма только в конкретном контексте, калькирование, описательный перевод. Актуальность исследования связана с тем, что в настоящее время англоязычная пресса занимает особую позицию в мировом информационном пространстве, а объем текстов англоязычных СМИ значительно превышает аналогичный объем на других языках.

Ключевые слова. Фразеологическая единица, выборочный эквивалент, полный эквивалент, моноэквивалент, фразеологический аналог, перевод.

Процесс перевода можно охарактеризовать словами В. Н. Комиссарова, который определяет переводческий процесс как «вид языкового посредничества, который всецело ориентирован на иноязычный оригинал». Перевод понимается исследователем как иноязычная форма существования сообщения, содержащегося в оригинале [6].

Основная задача, которая стоит перед переводчиком, – это умело произвести различные переводческие трансформации, для того, чтобы текст перевода как можно более точно передавал всю информацию, заключенную в тексте оригинала, при соблюдении соответствующих норм переводящего языка.

С переводческой точки зрения английские фразеологические единицы могут быть разделены на две основные группы:

- фразеологические единицы, имеющие эквиваленты в русском языке;

- безэквивалентные фразеологические единицы, т.е. фразеологизмы, не имеющие постоянных и равнозначных эквивалентом в языке перевода.

Фразеологические эквиваленты могут быть двух типов:

1) Постоянное равнозначное соответствие, которое является единственно возможным переводом и не зависит от контекста:

Time is money – время – деньги

2) Выборочный эквивалент

Данный прием используется в случае, если фразеологическая единица имеет несколько вариантов перевода.

Sometimes a nice smile does a lot to break the ice in relations. Порой милой улыбки достаточно, чтобы растопить лед в отношениях.

Однако для следующего предложения лучше подойдет вариант «сделать первый шаг»:

He tried to break the ice, but she was a little cold. Он попытался сделать первый шаг, но она была равнодушна к его попыткам

Полные эквиваленты

Полные эквиваленты – это русские эквиваленты, в большинстве своем являющиеся моноэквивалентами английских фразеологизмов, совпадающие с ними по значению, по лексическому составу, образности, стилистической направленности и грамматической структуре. Число подобных соответствий невелико; к этой группе относятся, прежде всего, фразеологизмы интернационального характера, основанные на мифологических преданиях, библейских легендах и исторических фактах:

Augean stables – авгиевы конюшни

in the seventh heaven – на седьмом небе

Фразеологический аналог

Фразеологический аналог – образная фразеологическая единица в русском языке по смыслу аналогичная английской ФЕ, но основанная на ином образе:

to be born with a silver spoon in the mouth – родиться в рубашке
(родиться с серебряной ложкой во рту)

a bird in the hand is worth two in the bush – лучше синица в руках,
чем журавль в небе

А. В. Кунин указывает, что для некоторых ФЕ существует целый ряд русских аналогов и при переводе автор часто стоит перед выбором, предпочтительный им перевод является выборочным.

Устойчивые сочетания слов иногда приходится переводить дословно, несмотря на наличие полного или частичного эквивалента. Дословный перевод особенно важен, когда образ, заключающийся во фразеологизме, крайне важен для понимания текста, а замена его другим образом не дает достаточного эффекта. Дословный перевод часто применяется при наличии расширенной метафоры, фразеологических синонимов, игре слов и каламбурах.

Многие английские фразеологические единицы не имеют эквивалентов в русском языке. Это в первую очередь относится к фразеологизмам, обозначающим несуществующие в языке перевода реалии. При переводе подобных фразеологизмов используются калькирование, лексический и описательный перевод, а также комбинирование данных способов.

Значительную проблему при переводе представляют собой фразеологические единицы, не имеющие аналогов в русском языке, т.е. являющиеся культурно-маркированными единицами. При их переводе на русский язык переводчик должен владеть значительным объемом как лингвистических, так и экстралингвистических знаний, поскольку в его задачи входит, с одной стороны, декодирование

значение исходной фразеологической единицы, а с другой, подбор адекватного варианта в русском языке.

Фразеологические единицы, не имеющие эквиваленты в русском языке, могут быть переведены при помощи фразеологического или нефразеологического аналога.

Для того, чтобы правильно подобрать русскоязычный фразеологический аналог для англоязычного фразеологизма, не имеющего эквивалента в языке перевода, переводчик должен в полной мере понимать не только значение фразеологизма, но и выполняемую им в тексте функцию. Только после того, как он сможет ответить себе на два основных вопроса: что фразеологическая единица значит, и для чего она была включена в текст, переводчик может приступить к переводу.

При переводе на русский язык фразеологических единиц, которые не имеют эквивалента в языке перевода, может быть использован и нефразеологический аналог. Данный переводческий способ можно проиллюстрировать на примере ниже. В заголовке публикации англоязычного СМИ фразеологическая единица *to make a splash* (to be very successful and garner a lot of public attention [9]) употребляется автором публикации для описания тех ожиданий и надежд, которые компания “Apple” связывает с выходом на рынок новой стриминговой услуги. При переводе на русский язык было принято решение перевести выделенный фразеологизм при помощи существительного *сенсация*, которое, на наш взгляд, передает значение переводимой единицы:

*Apple hopes its new streaming service will **make a splash*** (The Guardian) – ‘Apple надеется, что ее новая стриминговая услуга станет **сенсацией**’.

Фразеологизмы активно используются авторами текстов СМИ. Рассматриваемые единицы выполняют в данных текстах следующие

функции: выражение авторской оценки, создания образности (ФЕ различной тематической направленности) и обеспечение внутренней организации текста (ФЕ, потерявшие свою образности и превратившиеся в клише). В текстах публицистики фразеологические единицы используются как внутри текста, так и в заголовочном комплексе. Будучи употребленными в виде заголовка, фразеологизмы способствуют достижению прагматической установки привлечения внимания потенциального читателя и выражения авторской оценки.

Передача фразеологических единиц с английского на русский может представлять значительные сложности. При переводе фразеологических единиц, используемых в контексте, обязательным условием выступает учет данного контекста.

Основными способами передачи фразеологических единиц с английского языка на русский выступают следующие: использование эквивалентов (полных, частичных и выборочных); фразеологический аналог, контекстуальный перевод, используемый для перевода фразеологизма только в конкретном контексте, калькирование, описательный перевод.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин, В. П. Русское устное народное творчество / В. П. Аникин. – М. : Высшая школа, 2001. – 726 с.

2. Верещагин, Е. М. Язык и культура Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 2010. – 246 с.

3. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 140-161.

4. Горбунов, А. П. Язык и стиль газеты (из творческой лаборатории публициста) / А. П. Горбунов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. – 124 с.

5. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1993. – 223 с.

6. Комиссаров, В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.

7. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 424 с.

8. Кунин, А. В. О переводе английских фразеологизмов / А. В. Кунин // Тетради переводчика. – 1964. – № 2. – С.5 – 12.

9. The Free Dictionary by Farlex [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thefreedictionary.com/>. – Дата доступа: 02.03.2020.

МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Гарлукович Д. С.

Белорусский государственный университет

Аннотация. Современный мир каждый день меняется, много нового появляется каждый день. Со временем у нас появились технологии, мы начали развиваться и достигли многого, но на этом не остановились. Если говорить о сленге, то он появился достаточно давно, но до сих пор имеет актуальность. Часто можно услышать его не только от молодежи, но и от других людей. Он применяется повсюду и даже вне сообщества его можно услышать. И хотя о происхождении сленга мы не можем сказать точную дату и время, но то что он сейчас актуален и используется повсеместно можно утверждать уверенно. Целью исследования является рассмотрение определения сленга, его распространение у разных сообществ и этимология. Предметом исследования является природа сленга и характерные особенности у разных сообществ.

Теоретическое и практическое значение исследования обусловлено необходимостью иметь четкое представление об особенностях употребления сленга у разных сообществ, что представляет важную роль в понимании речи разных людей.

Ключевые слова: молодежный сленг, природа сленга, его характерные особенности.

На данный момент нет единого мнения относительно определения понятия «сленг». Оно не обладает терминологической точностью, и разные языковеды подразумевают под ним разные понятия. С XIX века, сленг – это жаргон любой профессиональной или социальной группы. В наши дни значение слова «сленг» фактически такое же, как и в XIX веке. В лингвистике сленг часто противопоставляется норме литературного языка. Но при этом сленг намного интереснее рассматривать как лингвистический феномен, распространение

которого определяется различными социальными, возрастными, пространственными рамками.

Чтобы увидеть это, достаточно рассмотреть несколько научных определений сленга. Чаще всего можно увидеть в языкознании определение В.А. Хомякова: «Сленг – это относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный лексический пласт, — компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией». В этой дефиниции можно разглядеть следующие признаки сленга: сленг, по мнению В.А. Хомякова, хотя и относится к «экспрессивному просторечию» и входит в литературный язык, его степень приближения к литературному стандарту «весьма неоднородна», то есть можно найти примеры «почти стандартные» и «совсем не стандартные». Совсем иное определение можно найти в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой: Сленг –

1. Разговорный вариант профессиональной речи.

2. Элементы разговорного варианта той или иной профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих языках особую эмоционально—экспрессивную окраску.

Как можно увидеть, в первом определении сленг – это только ряд слов нетерминов, которые используются в терминологическом значении, как «дворник» у автомобилистов. Такие слова не используют для официальной инструкции, но их обычно употребляют при деловом разговоре профессионалов. Но уже во втором варианте это что—то иное: перед нами слова, которые покинули профессиональную сферу и вышли «в свет». Достаточно важно

качество, которое отметила О.С. Ахманова: все такие слова являются ярко экспрессивными.

Один из крупнейших исследователей сленга Э. Партридж и его последователи считают, что сленг является беспорядочными и случайными совокупностями лексем, которые используются в разговорной сфере и отражают общественное сознание людей, которые принадлежат к определённой социальной или профессиональной среде. Как итог сленг можно рассматривать как нечто сознательное, и можно использовать преднамеренно его чисто стилистических целях: для создания эффекта необычности, а также отличия от общепринятых образцов, для отображения конкретного настроения говорящего, а также для придачу выражению конкретности, живости, выразительности, краткости, образности.

Этимология же термина «сленг» порождает огромное количество споров среди исследователей. Она является одной из самых обсуждаемых и запутанных вопросов в английской лексикологии. Сложность происхождения термина усугубляется его многозначностью и различной трактовкой сленга авторами словарей и специальных исследований за последние 200 лет.

Причины возникновения сленга.

1. Молодежь — это в основном представитель жаргона и они делают его элементом поп—культуры, который в свой черед делает его престижным и необходимым для самовыражения.

2. Молодежный сленг легко вбирает в себя слова из различных языков (из англиского — шузы, бэг, мэн и т.д) из уголовного языка (круто, шмон, беспредел).

3. Большинство из уже существующих определений очень громоздки и неудобны в повседневном использовании. Появляется мощная тенденция к сокращению и упрощению слов.

4. Неофициальное общение подчинено таким мотивам, как поиск более благоприятных психологических ситуаций для общения, ожидание сочувствия и сопереживания, жажда искренности и единство во взглядах, потребность самоутверждения.

Существует множество разновидностей сленга, мы рассмотрим несколько. Мобильный сленг — является совокупностью слов, фраз, устойчивых выражений, употребляемых социальной группой людей, которые в обиходной жизни пользуются мобильными технологиями связи. Употребление мобильного сленга стало отличительной чертой разговора этих людей.

Все понятия, которые используют пользователи мобильных устройств, можно относительно разделить на две группы: понятия, которые относятся напрямую к сотовым телефонам как к аппаратам (то есть характерные черты моделей и производителей, какие—либо аксессуары) и все остальные (услуги операторов сотовой связи и т. д.).

Технические особенности телефонов

- Девочка — телефон, в который встроена антенна.
- Мальчик — телефон уже с наружной антенной.
- Мертвяк, убитый — поврежденный телефон.

Студенческий сленг — индивидуальный язык, который распространен среди студентов.

Студенческий сленг в общем можно разделить на две группы:
— Традиционный сленг, который передается от старших курсов к младшим.

— Новый сленг, который постоянно пополняет словарь студента.
В то время как лексику студенческого сленга можно подразделить на группы, в каждой из которых разнообразные словообразовательные и семантические особенности:

1. Быт (музон (музыка), брателло, братан, наехать (предъявить претензии), чел (человек), хата, дикий, жесть (грубость), кадр, кэп,

фейк, гоу, замутить (придумать, начать), баян, шавуха (шаурма), топовый (выдающийся, известный), хавать, шарить).

2. Учеба (универ, пара, зачетка, препод, ботан, общага, хвост, шпора, лаба (лаборатория), стипуха, курсач, зачетка, автомат, скатать (списывать), контра, студак, бегунок, вышка (высшее образование), технарь, шарага, чайник, колпак(коллоквиум), баклан)

3. Компьютер, интернет (комп, симка, флешка, мобила, лайк, инфа (информация), скачать, файл и др.)

Игровой сленг — язык, при помощи которого игроки в разнообразных играх делятся информацией. Происхождение игрового сленга связывают с возникновением множества онлайн—игр, где он стал неотделимой частью игрового процесса.

Для игрового сленга свойственна краткость, которая взаимосвязана с содержательностью и эмоциональностью, эта потребность в краткости возникает из—за необходимости стремительной передачи сообщения и из—за достаточно эмоционального накала игры.

В ходе данного исследования было рассмотрено само понятие сленга, его характеристики и доказана эффективность как способа передачи мыслей у разных сообществ. Исходя из всего вышеперечисленного, можно утверждать, что выполнены все цели и задачи, поставленные в начале исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молодежный сленг. Толковый словарь. / Под ред. Зориной Е.Е. – Москва: Большая Российская Энциклопедия, 2009. – 112 с.
2. Лихолитов, П. В. Компьютерный жаргон / П. В. Лихолитов. Москва, 1997.

З.Смирнов, Ф.О. Искусство общения в интернете. Краткое руководство Ф.О. Смирнов. – Москва: Издательский дом Вильямс, 2006

АНГЛИЦИЗМЫ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Голубь А. В.

Белорусский государственный университет

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию процесса проникновения англицизмов в русский язык. Процент заимствованной лексики различных языков может варьироваться от 10% до 80-90%, что способствует непрерывному обогащению словарного запаса того или иного языка. Английский язык и русский язык на протяжении долгого времени существуют в определенном взаимодействии, и из этого следует тот факт, что заимствование с одного языка на другой является неотъемлемым процессом.

Со стремительным развитием общества каждый день появляются новые слова, которые в будущем, смогут войти в общее употребление. Необходимо изучить причины появления и использования таких заимствований, их возможную угрозу для заимствующего языка. Данная тема всегда будет актуальна.

Ключевые слова. Заимствования; англицизмы; СМИ; русский язык; английский язык; языковой контакт; адаптация.

Целью исследования является анализ языковых изменений, определение места заимствований в современном русском языке и причин их появления, а также изучение англицизмов.

К задачам исследования относятся изучение причин и предпосылок заимствования англицизмов в русском языке.

Объектом исследования являются англицизмы в современных русскоязычных СМИ.

Предметом исследования являются причины появления заимствований в русском языке, адаптация и различия англицизмов.

В настоящее время мотивация заимствования иностранных слов в русский язык такая же, как была раньше для любого другого языка. Не все англицизмы, которые вошли в русский язык были заимствованы

только из-за отсутствия подходящего слова, обозначающего определенную концепцию. По-прежнему мы имеем два типа заимствованных слов и объяснение, что мотивирует их перевод:

1. слова, в которых есть необходимость, поскольку они обозначают новое понятие, которое существующее русское слово не может передать в полной мере;

2. слова, потребность в которых произвольна, которые заимствуются в большей степени ради своей экзотичности, актуальности, при этом имеются аналоги в русском.

Немаловажным фактором притока англицизмов в русский язык является наличие в русскоязычном обществе большого количества людей знающих английский язык, и которые активно им пользуются во время различной деятельности. Эти люди являются особого рода «передатчиками» как уже существующих, так и новых англицизмов, и они способствуют быстрому принятию и активной интеграции англицизмов в русский словарь больше, чем любые другие члены языкового сообщества.

Существует несколько способов образования заимствованных из английского языка слов: прямой, гибридный, калька, полукалька, экзотизмы, иноязычные вставки, композиты, жаргонизмы [3].

Проблемой англицизмов является определение того, какие слова можно и нужно называть англицизмами, поскольку после того, как англицизм адаптирован и официально признан, его уже трудно признать таковым.

Л.П. Крысин делит процесс адаптации англицизмов на 5 этапов [1]:

1. иноязычное слово употребляется в том же виде, в каком существует и в своём языке;

2. приспособление слова к системе заимствующего языка;

3. утрата сопроводительных комментариев, то есть носители языка не замечают непривычность иностранного слова;

4. утрата социальных особенностей;

5. закрепление слова в толковом словаре.

Далее будут рассмотрены и проанализированы статьи русскоязычного сайта ЭКОНС на наличие в них англицизмов [4]. Статьи были выбраны в произвольном порядке. К каждой статье был применен метод сплошной выборки на наличие заимствований. Результаты выборки будут представлены в таблицах. Для более точного выявления заимствований был использован словарь Т.В. Егоровой [2].

Пример 1. «Гендерное соревнование» [5].

Выборка	Англицизмы
Конкуренция, организация, активность, политика, рынок, квота, компания, капитал, дискриминация, альтернативный, фактор, толерантность, риск, вариант, потенциальный, процесс, позиция, негативный, эффект, престижный, академический, схема, компенсация, стимулировать, университет, эксперимент, база, лаборатория, социальный, студент, раунд, матрица, приз, этап, результат, стадия, версия, легенда, минимум, индивидуальный, бонус, коллега, сценарий, автор, реагировать, рекорд, финансовый, стимул, интеллектуальный, ситуация,	Раунд, рекорд, катер, яхтсмен.

катер, яхтсмен, агрессивный, штраф, результативность, биологический, гормон, прогестерон, патриархальный, демонстрировать, компонент, дистанция, индивидуальный, аналогичный, нейтральный, культура.	
--	--

Пример 2. «Под влиянием искусственного интеллекта» [6].

Выборка	Англицизмы
Интеллект, технология, университет, автор, перспектива, компания, метод, коллега, информация, вакансия, бизнес, модель, продукт, структура, неавтоматизированный, темп, позиция, масштаб, сфера, организация, тип, анализ, база, репрезентативный, динамика, онлайн, вакансия, аналогичный, статистика, экономика, категория, нейронный, фирма, финансы, ритейл, сектор, генерировать, корреляция, темп, процент, эффект.	Бизнес, онлайн, ритейл.

Пример 3. «Антивирусная политика: эффективен ли запрет на банковские дивиденды» [7].

Выборка	Англицизмы
Политика, дивиденд, пандемия, сектор, банк, акция, кризис, идея, капитал, стадия, стимул, менеджмент, акционер, риск, ресурс, интерес,	Менеджмент, буфер, дефолт, своп.

кредитор, экономика, организация, период, инвестор, буфер, рекомендация, эффект, шок, бонус, квартал, объективный, анализ, юрисдикция, операция, реакция, результат, аналитик, регулятор, дефолт, своп, резерв, рынок.	
--	--

В результате анализа выборки были получены следующие результаты. Все выявленные англицизмы являются прямыми заимствованиями. Иноязычные слова, без исключения, употребляются в том же виде, в каком существует и в своём языке. Особенно важно отметить, что все выявленные англицизмы закреплены в толковом словаре, а также приспособлены к системе заимствующего языка

В заключение данной темы важно отметить, что невозможно остановить процесс заимствований и предотвратить появление новых слов. Без заимствований невозможно представить себе современного человека или язык. Однако значение новых слов должно быть понятно, как говорящему, так и слушателю, и использование таких слов должно быть уместным и оправданным. Умение правильно использовать эти слова свидетельствует об уважении к языку говорящего и к самому себе.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарец О. Э. Иноязычные заимствования в речи и в языке: лингвосоциологический аспект/ под редакцией Г.Г. Инфантовой. Изд-во Таганрог: 2008. С. 144

Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка: 100 000 слов и выражений М.: Аделант, 2014. — 800 с. — (Библиотека школьных словарей).

Шишло П. А. Англицизмы и их использование в русском языке.
С.69

ЭКОНС. Экономический разговор [Электронный ресурс]. – 2021.
– Режим доступа: <https://econs.online>. – Дата доступа: 14.04.2021.

«Гендерное соревнование» [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим
доступа: <https://econs.online/articles/ekonomika/gendernoe-sorevnovanie/>.
– Дата доступа: 14.04.2021.

«Под влиянием искусственного интеллекта» [Электронный
ресурс]. – 2021. – Режим доступа:
[https://econs.online/articles/ekonomika/pod-vliyaniem-iskusstvennogo-
intellekta/](https://econs.online/articles/ekonomika/pod-vliyaniem-iskusstvennogo-intellekta/). – Дата доступа: 14.04.2021.

«Антивирусная политика: эффективен ли запрет на банковские
дивиденды» [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа:
[https://econs.online/articles/finansy/antivirusnaya-politika-effektiven-li-
zapret-na-dividendi/](https://econs.online/articles/finansy/antivirusnaya-politika-effektiven-li-zapret-na-dividendi/). – Дата доступа: 14.04.2021.

СУБСТАНТИВНЫЕ НЕОЛЕКСЕМЫ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКЕ

Горегляд Е.Н.

*Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова*

Аннотация. Проблема изучения языка прессы в средствах массовой информации важна и практически значима. Развитие информационных технологий заставляет журналистов искать новые формы самовыражения. В региональных периодических русскоязычных изданиях растёт потенциал использования эмоционально и выразительно окрашенных элементов, в том числе лексем нестандартного образования.

Ключевые слова: публицистический стиль, словотворчество, неолексемы.

Объективно сложившаяся в сфере коммуникации обстановка требует от ее служителей бороться за своего слушателя, зрителя, читателя. Одним из наиболее зарекомендовавших себя средств привлечения читательского внимания, создания выразительности и самобытности газетного текста в периодической печати Беларуси (в том числе региональной) являются неолексемы.

Под неолексемами мы понимаем неузусальные слова, созданные автором, получившие распространение в пределах созданных им текстов и не закреплённые в словарях литературного языка. Термин «неолексема» понимается нами как любой продукт индивидуально-авторского словотворчества, независимо от его соотношения с языковой словообразовательной системой и нормой [3; 6].

Изобретение ярких, необычных слов, появляющихся вопреки норме и законам словообразования, стало излюбленным занятием пишущих. Подобное словотворчество позволяет уйти от языковой рутины, насытить газетную речь экспрессией, сделать её более

доступной для массового читателя, выразить в слове своё видение мира. При этом журналисты иногда забывают, что созданная ими лексема должна быть не только стилистически мотивирована, но и сформирована в соответствии с языковыми нормами. Чтобы читатель «опознал» слово, автору статьи необходимо использовать продуктивные словообразовательные модели.

В региональной русскоязычной периодике последних лет («Витебские вести», «Витебский курьер», «Новая газета», «Полоцкий вестник») большинство неолексем представлены субстантивами. Наиболее востребованным способом создания субстантивных неолексем в исследуемых изданиях является морфологическая аффиксация (суффиксация, реже префиксация) [1].

Новые социально значимые процессы действительности активно именуются существительными на *-ациj(a)* / *-изациj(a)*, имеющими значение «наделение теми или иными свойствами того, что обозначает базовая основа»:

«...долларизация нашей страны нарушает равновесие денежных единиц» (Новая газета);

«Времена макдонализации давно прошли...» (Полоцкий вестник);

«... в таких районах алкоголизация населения проходит ещё быстрее» (Витебские вести);

«На фоне такой моторизации городской автобус должен казаться анахронизмом» (Витебские вести).

В ряде примеров указанный суффикс модернизируется, получая своеобразную интерпретацию:

«...страна подверглась всеобщей мобилозации несколько лет назад» (Витебские вести). Данная неолексема фонетически подобна узуальной лексеме *мобилизация* – «призыв военнообязанных с запаса в армию во время войны», но включается в иную

словообразовательную цепочку: *мобильный* → *мобильник* → *мобиля* → *мобилозация*.

Своеобразие этих неолексем в том, что, являясь субстантивами, они обозначают определённый процесс, но производятся не от глаголов, ср.: *билет* – *билетизация*, *алкоголь* – *алкоголизация*, *чизбургер* – *чизбургеризация*. Как видно из примеров, производящие существительные также не имеют значения процессуальности.

Среди субстантивных неолексем, обозначающих лицо, преобладают образования с суффиксом *-ик*. Они чаще всего образуются от адъективов:

«Уже вскоре новоиспечённые внутренники, пройдя специальную подготовку, приступят к исполнению своих обязанностей» (Витебский курьер);

«Посадили за яблочников» (яблочниками называют белорусов, выехавших в Россию для сбора яблок) (Витебский курьер).

При образовании субстантивных неолексем со значением лица также используются суффиксы *-тель*, *-щик*-, *-ач* и нулевой суффикс:

«Страшно угодить в руки такому здравоохранителю» (Полоцкий вестник);

... опоздальщиков просто не пускали в аудиторию (Новая газета);

«Женщина, у вас в квартире постоянная сырость», – кроме всего прочего заявили фирмачи» ('представители фирмы-изготовителя какой-либо продукции') (Витебские вести);

«Феем назначили заместителя коменданта по идеологической работе...» (Витебские вести). В рамках исследуемого материала эти суффиксы демонстрируют меньшую продуктивность.

Для обозначения лиц женского пола используются суффиксы *-к(а)*, *-ик(а)*, которые кроме указанного значения могут придавать слову уменьшительно-ласкательный оттенок:

«Нам нужно поймать ходоков, которые успели закупиться у Оксаны (так величают нелегалку)» (нелегалка – «женщина, незаконно торгующая спиртными напитками собственного производства») (Витебский курьер);

«Куда могла пойти потеряшка?» (Новая газета)

По аналогичной словообразовательной модели образуются и неодушевлённые существительные: *халявка* («что-либо полученное даром»), *помывка* («удаление с помощью уксуса даты выпуска продукта рыночными продавцами»), *сработка* («срабатывание сигнализации»), *догонка* («добавка»), *подмазка* («взятка») и под.

Абстрактное значение свойственно неолексемам, образованным при помощи суффикса *-j-* непосредственно или в сочетании с префиксом:

Когда пошла уже вторая неделя бестелефонья, мы всё-таки решили написать жалобу (Витебские вести);

Приходилось также два раза в неделю спускаться в киоск, потому что дедок не терпел безгазетья в доме (Новая газета).

Анализ словообразовательной структуры субстантивных неолексем, встречающихся в региональной печати, показал, что наиболее продуктивным способом образования субстантивных неолексем является суффиксация.

Использование продуктивных словообразовательных аффиксов с целью создания новой, максимально экспрессивной лексической единицы свидетельствует о творческом подходе журналистов к ресурсам языка. Неолексем применяются в современных печатных СМИ как для выражения яркой оценочности, так и для подчеркивания специфики предмета, явления, действия, для передачи авторского взгляда, а также для того, чтобы избежать штампованности.

Функции авторских новообразований в современной периодической печати ширятся, что определяется как социальными

условиями, так и внутриязыковыми факторами – необходимостью повышения «градуса» эмоционально-экспрессивной насыщенности публицистического текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горегляд, Е.Н. Нестандартные лексемы в русскоязычной печати Беларуси: эффектность vs эффективность / Е.Н.Горегляд // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6: Журналистика. – Новосибирск : НГУ, 2020. – С. 194–204.
2. Намитокова, Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Р.Ю. Намитокова. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1986. – 156 с.
3. Промах, Л.В. Словообразовательные возможности лексических образований С.Д. Кржижановского: дис. ... канд. фил. наук : 10.02.01 / Л.В. Промах. – Екатеринбург, 2017. – 381 с.
4. Рацибурская, Л.В. Специфика современного медийного словотворчества / Л.В. Рацибурская, Н.А. Самыличева, А.В. Шумилова. – М. : Флинта: Наука, 2015. – 136 с.

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ГРАММАТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ЭСПЕРАНТО И РУССКОГО, ИТАЛЬЯНСКОГО, АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Гуляй А.В.

Белорусский государственный университет

Аннотация. Оценка степени жизнеспособности искусственного языка эсперанто в современном языковом пространстве во многом опирается на результаты компаративного анализа эсперанто и естественных языков, позволяющего акцентировать особенности строения и функционирования искусственного образца, а также дать качественную оценку их конструктивности. Объект внимания настоящей статьи – грамматическое строение языка, представляющее целостную структурную организацию имеющегося языкового потенциала. Различия в сложности грамматического устройства языков, а также общая узнаваемость грамматических конструкций в процессе изучения – важные факторы, влияющие на степень их грамматической близости. Она, в свою очередь, будет обуславливать скорость и глубину взаимодействия носителей языков, уровень сложности их освоения, а также (в силу близости с лексической системой) – степень лёгкости и беспрепятственности, с которой заимствования из одного языка будут переходить в другой и адаптироваться в нём.

Ключевые слова: искусственный язык, эсперанто, русский язык, английский язык, итальянский язык, компаративный анализ, грамматическая система языка, морфология, синтаксис, синтетические и аналитические языки, агглютинативные и фузионные языки.

Центральные составляющие грамматической системы языка – морфология и синтаксис, обуславливают, соответственно, оформление морфологической и синтаксической типологических классификаций, в рамках которых будет проведено настоящее исследование.

«В морфологической типологии (а это хронологически первая и наиболее разработанная область типологических исследований) принимаются во внимание, во-первых, способы выражения грамматических значений и, во-вторых, характер соединения в слове его значимых частей (морфем). В зависимости от способов выражения грамматических значений различают *синтетические и аналитические языки*. В зависимости от характера соединения морфем различают *агглютинативные и фузионные языки*» [3, с. 251].

Рассматриваемые нами образцы являются примерами различных категорий: так, все славянские языки, включая русский, представляют собой языки синтетического типа; английский, а также все романские языки, включая итальянский, относятся к языкам аналитического строя. Сложнее обстоят дела с идентификацией языковой структуры эсперанто, комбинирующей в себе синтетические и аналитические элементы и вызывающей неоднозначную оценку лингвистов. К явным признакам синтетизма отнесем: а) четкое заключение указания грамматического значения внутри слова посредством наличия в словах однозначного корня, суффикса, окончания (например, каждая часть речи обладает собственным уникальным окончанием) и б) соответственно практически нефиксированный порядок слов в предложении. К аналитическим, в свою очередь, – важную роль а) предлогов (передают падежные отношения), б) артиклей и в) вспомогательных глаголов в выражении грамматического значения.

Неоднозначность проведения границы обусловлена, на наш взгляд, также и различным *характером синтетичности*, наблюдающимся в естественных языках и эсперанто, где первые демонстрируют принадлежность к определенной грамматической категории преимущественно в *динамике синтетических элементов* (парадигма спряжения глагола или склонения существительного), а эсперанто – в *статичности своей грамматической формы*,

репрезентируемой посредством наличия всегда однозначного грамматического элемента². Отметим далее и повышенное стремление языка к упорядочиванию выражаемых им значений, воплощающееся в рождении концептуально новых грамматических форм, *существующих на стыке лексики и грамматики*. Еще одной особенностью становится действующий в эсперанто и уже упоминаемый нами *принцип необходимости и достаточности*, избегающий повторного (=лишнего) выражения конкретного грамматического значения³. Сочетание синтетизма и аналитизма наблюдается, таким образом, даже в контексте одной грамматической парадигмы и представляет, тем самым, иной подход к оценке сложности грамматического строя языка: традиционно, синтетические языки представляются более сложными для освоения, в то время как аналитические – более лёгкими. Эсперанто же, строясь на принципе необходимости и достаточности и представляя абсолютно новый подход к языковому синтетизму, стремится к максимальному облегчению (конкретизации и минимализации) языковой структуры, органично *балансируя* между *различно уместными в каждом конкретном случае* аналитическими и синтетическими формами, количественно отдавая предпочтение первым.

Н. Б. Мечковская отмечает, что «При разработке эсперанто Л. Заменгоф опирался на материал языков синтетических и фузионных, однако в его грамматике преобладают аналитические способы выражения значений, а эсперантское слово устроено *чисто агглютинативно*» [4, с. 188]. Естественные же языки, рассматриваемые в настоящем исследовании представляют собой, напротив, экземпляры фузионного строения, являя различную степень

² Данное наблюдение не отрицает, тем не менее, наличия в эсперанто грамматических парадигм и указывает лишь на различия в их соотношении и грамматической важности в искусственном и естественных языках.

³ Так, глагол «*читать*» выражает, посредством парадигмы спряжения, категории времени и наклонения, но не выражает категории лица или числа, презентуемые, например, личным местоимением.

грамматической многозначности служебных морфем и представляя, тем самым, большую сложность для освоения носителями. Отметим, вместе с тем, градацию вышепредставленных языков в соответствии со свойственной им степенью флективности: фузионность преобладает в русском языке, агглютинация в большей степени присуща английскому языку как языку аналитическому (обозначим также аналитический характер итальянского языка). Условия сравнительной характеристики требуют, однако, отметить, что «Тенденция к агглютинативности и регулярности наблюдается и в словообразовании современного русского литературного языка» [2, с. 49], что не позволяет сбросить его со счетов, а лишь корректно расположить на шкале морфологической близости эсперанто. Весомости добавляет и убежденность некоторых лингвистов в том, что агглютинативная природа эсперанто есть, во многом, результат влияния русской аффиксационной системы [2, с. 51]. Данный вывод кажется закономерным в силу существенной языковой интерференции русского языка и эсперанто, а также замечания, что «... аффиксация в русском языке гораздо более развита, а морфемная членимость более отчетлива, чем в романских и германских языках, в которых аффиксация чаще представляет собой совокупность элементов структуры слова, чем совокупность активных дериваторов» [2, с. 52]. Примечательно, что корректность подобного предположения подтверждается замечаниями и самого создателя планового языка.

Вторым же фактором, призванным упорядочить влияние в какой-то степени хаотичной аффиксационной системы русского языка, называется *принцип регулярности*, выразившийся в закреплении за каждым аффиксом однозначности и исключительности формы и значения. «По аналогии этот принцип был распространен на корневые и реляционные морфемы, т.е. агглютинация на уровне словообразования была распространена *на весь уровень морфемики*»

[2, с. 52]. Существенным представляется здесь окончательная констатация уже упоминаемого нами стремления эсперанто к презентации концептуально новых морфологических производительных элементов, фиксирующихся на стыке лексики и грамматики: «Эсперанто – максимально агглютинативный язык не только количественно ..., но и качественно: эсперантские деривационные и реляционные аффиксы не варьируют... и даже могут выступать в функции корней, образуя слова. **Лексическая самостоятельность аффиксов** является характерной чертой эсперанто, но спорадически она может проявляться и в этнических языках» [2, с. 49].

Подобный новаторский подход к грамматической системе в целом и её морфологической словообразовательной составляющей в частности усложняет возможность четкой реализации собственно компаративного анализа. С одной стороны, имеем основания расположить языки по шкале морфологической близости следующим образом: 1) эсперанто – 2) английский и итальянский языки (им, как аналитическим языкам, больше присуща агглютинативная структура) – 3) русский язык (лишь тяготеющий к агглютинатизму). С другой: 1) эсперанто – 2) русский язык (чей аффиксационный аппарат есть прямой источник эсперантской агглютинативности) – 3) английский и итальянский языки.

Процесс языковой интерференции происходит, в данном случае, на различных подуровнях морфологического яруса, а потому истинно верным представляется следующий вывод: эсперантская морфологическая структура избегает слепой приверженности единому разряду типологической классификации или специфике строения конкретного языка; рассматривая их на макроуровнях, она выбирает наиболее оптимальные с точки зрения их функционирования лингвистические элементы, ориентируясь на: а) наименее

трудозатратное, но максимально продуктивное, а потому предельно грамотное сочетание грамматических форм → адекватное распределение нагрузки между способами выражения грамматических значений (имеется в виду несвойственное естественным языкам подобие равновесия между синтетизмом и аналитизмом, где существенное превалирование одного из уровней приведет к количественной перегрузке его элементов и повышенной сложности целостной языковой структуры).

Входя в сферу ответственности синтаксической типологической классификации и имея установку на анализ характера передачи субъектно-объектных отношений в языках, прежде всего отметим отсутствие какой-либо конкретной типологической информации на этот счёт в отношении эсперанто. Одновременно с этим, нам более чем очевидна принадлежность его, как и остальных рассматриваемых нами языков, к примерам *номинативного строя*. Уточнения в контексте проведения компаративного анализа требует лишь тот факт, что естественные языки, как правило, отличаются различной (однако трудноизмеримой) степенью наличия в своей структуре конструкций эргативного типа, аномальных для языков номинативных. Данное уточнение в очередной раз указывает на несовершенство их грамматической структуры, способствующей возникновению существенных трудностей при взаимодействии с языком. Одновременно с этим, мы не можем не отметить появление, в результате языковой интерференции, подобных новых конструкций и в эсперанто, нарушающих, с одной стороны, изначально закладываемые в систему языка принципы функционирования грамматических парадигм, но свидетельствующих, с другой, о возможностях языковой эволюции.

Важное внимание уделяется в контексте синтаксической типологической классификации и *типологии порядка слов*,

выделяющей языки с *фиксированным* (они, как правило, соотносятся с языками аналитического строя) и *свободным* (соотносятся с языками синтетического строя) порядком слов. Необходимо, однако, заметить, что «оппозиция “фиксированный – свободный” порядок, даже если иметь в виду чисто грамматические функции словорасположения, – это отнюдь не жесткая дихотомия, а плавный континуум, с бесчисленными “отступлениями” от фиксированного порядка и столь же многочисленными “ограничениями” свободного словорасположения» [3, с. 264-265]. Так, среди рассматриваемых нами естественных языков приверженность к строго фиксированному порядку слов, отклонения от которого неизменно строго регламентированы, обнаруживает английский язык, нуждаясь в подобной фиксации как одном из средств выражения грамматического значения. Относительно нефиксированный порядок слов являет синтаксическое устройство итальянского языка; наконец наиболее свободный – структура русского. Она демонстрирует, тем самым, *наибольшую близость* искусственному языку: «...синтаксис эсперанто обладает генетикотипологической общностью с синтаксисом славянских языков, хотя совпадения всех деталей нет» [2, с. 112]. Эсперанто отличается в целом свободный порядок слов, «основанный на наличии категории винительного падежа и полного согласования определения с определяемым» [2, с. 113], что, с точки зрения синтаксической типологии, позиционирует его как язык наименее синтаксически нормативный и, в связи с этим, более доступный для освоения неносителями.

Компаративный анализ синтаксических систем рассматриваемых нами языков даёт, таким образом, основания отметить в целом схожие принципы функционирования данного грамматического пласта в эсперанто и языках естественных, однако большую общность синтаксической структуры искусственного языка с русским. Среди

всех анализируемых нами эсперанто выделяет, в конечном итоге, и отсутствие аномальных для его синтаксического типа элементов, что позволяет говорить о действительной точности и организованности грамматической структуры планового образца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колкер, Б.Г. Вклад русского языка в формирование и развитие эсперанто: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19 / Б.Г. Колкер; Академия наук СССР – М., 1985. – 10 с.

2. Колкер, Б.Г. Вклад русского языка в формирование и развитие эсперанто: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19 / Б.Г. Колкер. – М., 1985. – 183 с.

3. Мечковская, Н.Б., Норман Б. Ю., Плотников Б. А., Супрун А. Е.; под общ. ред. Супруна А. Е. Общее языкознание: Структура языка. Типология языков и лингвистика универсалий: Учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 1995. – 336 с.

4. Мечковская, Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 312 с.

«НАРОДНАЯ ЭКОНОМИКА» В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПАРЕМИЯХ О БЕДНОСТИ И БОГАТСТВЕ: МЕНТАЛЬНЫЕ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Дашинская О.А.

Белорусский государственный университет

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению особенностей национального отражения понятий богатства и бедности в английском и русском языках на материале пословиц и поговорок, отражающих народные представления о бедности и богатстве. В статье рассматриваются особенности пословичной (фольклорной) картины мира, на примерах английских и русских паремий о богатстве и бедности устанавливаются особенности менталитета представителей двух наций.

Ключевые слова: английские паремии; русские паремии; богатство; бедность; национальные особенности.

Познавая окружающую действительность, у человека формируется своеобразная система знаний о мире. Большая часть этих знаний находит свое отражение в значениях определенных языковых единиц, «т.е. одновременно с мыслительной осуществляется языковая концептуализация действительности, результаты которой в совокупности формируют языковую картину мира, отражающую особенности этноса» [5, с. 654].

Е.В. Иванова дает следующее определение пословичной картины мира: ПКМ – это «когнитивная структура в своей основе, на которую накладываются взаимодействующие с процессами когниции культурные, социальные, гендерные факторы, оказывают воздействие географические условия проживания народа» [3, с. 11].

Пословицы, по определению Н.Ф. Алефиренко, являются устойчивыми афоризмами, берущие свое начало в устном народном

творчестве, обладающие образным и безобразным значениями, равносущим с суждением, релятивной самостоятельностью и подтекстом. Поговорки представляют собой устойчивые высказывания, которые не эквиваленты суждению, не обладают самостоятельностью относительно контекста и предназначены, по большей части, для украшения и разнообразия речи [1, с. 249].

В качестве материала для данного исследования были взяты английские и русские паремии, отражающие концепты «бедность» и «богатство». Основанием для отбора послужило наличие в пословицах и поговорках следующих лексем: для английских паремий – «*money*», «*purse*», «*penny*», «*gold*», «*beggar*», «*wealth*», «*poverty*», «*rich*», «*poor*», «*pence*», «*pounds*»; для русских – «деньги», «бедный», «богатый», «кошелек», «бедность», «богатство», «рубли», «деньга», «нужда».

Первый этап исследования включал уяснение точного смысла каждой паремии и семантизацию их внутренней формы. Далее, на втором этапе, были выявлены те компоненты семантики паремий, которые так или иначе оцениваются в каждой рассматриваемой паремии: а) деньги и богатство сами по себе, по своей сути; б) предпосылки, условия появления денег, богатства, с одной стороны, и предпосылки бедности, нищеты, с другой; в) последствия приобретения богатства и последствия бедности для человека и его семьи. Затем были выявлены непосредственно оценки (положительные, отрицательные или нейтральные) данных компонентов семантики паремий. И таким образом, пословицы и поговорки были распределены согласно народным оценкам англичан и русских о бедности и богатстве. Результаты представлены в Таблицах 1 и 2.

Таблица 1. Положительные, отрицательные и нерешительные оценки богатства в английской и русской пословичных картинах мира

		Английские паремии	Русские паремии
Богатство и богатые люди в паремиях оцениваются			
1	положительно	14 (41,1%)	5 (15,6%)
2	отрицательно	16 (47%)	16 (50%)
3	нейтрально (двойственно)	4 (11,7%)	11 (34,3%)
Всего оценок		34 (100%)	32 (100%)

Таблица 2. Положительные, отрицательные и нерешительные оценки бедности в английской и русской пословичных картинах мира

		Английские паремии	Русские паремии
Бедность и бедные люди в паремиях оцениваются			
1	положительно	5 (31,2%)	5 (27,7%)
2	отрицательно	6 (37,5%)	12 (66,6%)
3	нейтрально (двойственно)	5 (31,2%)	1 (5,5%)
Всего оценок		16 (100%)	18 (100%)

Как в русском, так и в английском сознании закрепилось представление о деньгах как источнике зла, неравенства и пороков. Например, это отражено в таких поговорках, как *Money is the root of all evil* (SimpSp, 220) '*Деньги – это корень всех зол*'; *Gold is but muck* (МаргХол, 141) '*Золото – это только грязь*'; *The rich man has his ice in the summer and the poor man gets his in the winter* (SimpSp, 273) '*У богатого человека лед и летом, а бедный получает его зимой*'; *He that has money in his purse cannot want a head for his shoulders* (МаргХол, 71) '*У кого есть деньги в кошельке, тот не хочет голову на плечах*'; *Богатому ветер в спину, а бедному – все в лицо* (Зим, 205); *Богатый совести не купит, а свою погубит* (Куск, 146); *Когда деньги говорят, правда молчит* (МаргХол, 97).

Однако ментальные различия наблюдаются в характеристике богатства в качестве положительного жизненного явления. Так, 41,1% поговорок о богатстве в английском подкорпусе доказывают, что деньги – это благо и сила: *Money makes a man* (SimpSp, 221) '*Деньги делают человека*'; *Money makes the mare to go* (SimpSp, 221) '*Деньги заставляют кобылу идти*'. В то время как в русском подкорпусе только 15,6% пословиц и поговорок характеризуют богатство с положительной стороны: *Время – деньги* (МаргХол, 37); *Деньги не щепки, на полу не поднимешь* (МаргХол, 59).

В русском менталитете, с другой стороны, зачастую наблюдается двойственная оценка денег, т.е. они наделяют человека разного рода преимуществами, но к деньгам тем не менее относятся с небольшим доверием: *На деньги ума не купишь* (Зим, 207); *Деньги к деньгам идут* (МаргХол, 59); *Есть чем звякнуть, так можно и крякнуть* (Куск, 147).

Отчетливо видна разница между народными представлениями англичан и русских о бедности. Более половины (66,6%) русских поговорок, содержащих концепт «бедность», имеют отрицательную

коннотацию. Таким образом, безденежье рассматривается как безвыходная, тяжелая жизненная ситуация, которая отражается на многих сферах человеческой жизнедеятельности: *Сегодня густо, а завтра пусто* (Зим, 199); *Беднее всех бед, когда денег нет* (Куск, 149); *Хлеба ни куска, так и в доме тоска* (Куск, 149); *Нужда закона не знает, а через шагает* (Куск, 150). То есть бедность у русского народа сильно порицается.

В подкорпусе английских паремий о бедности наблюдается сравнительно одинаковое количество положительных (31,2%), отрицательных (37,5%) и нейтральных (31,2%) оценок, что заметно контрастирует с оценками русского народа. Так, отсутствие большого количества денег и вовсе отсутствие денег может наделить человека незаменимым жизненным опытом, научить бережливости и фокусироваться на более важных, нематериальных, вещах: *Penny wise and pound foolish* (SimpSp, 254) '*Пенс мудрый, а фунт глупый*'; *Little goods, little care* (МаргХол, 19) '*Мало добра, мало проблем*'; *It is better to be born lucky than rich* (SimpSp, 26) '*Лучше родиться удачливым, чем богатым*'.

Кроме того, почти в шесть раз в английском языке больше пословиц и поговорок о бедности с нейтральной, неопределенной коннотацией: *Rich today, poor tomorrow* (МаргХол, 192) '*Богатый сегодня, бедный завтра*'; *Money calls but does not say; it is round and rolls away* (МаргХол, 59) '*Деньги зовут, но не говорят; они круглые и укатываются прочь*'; *No silver, no server* (МаргХол, 129) '*Нет серебра, нет обслуги*'. Как видно из данных примеров, англичане отмечают недолговечность обладания богатством, а также объективное понимание того, что бедный человек не может позволить себе роскошества.

Таким образом, анализ части пословичного фонда русского и английского народов, выражающей отношение людей к явлениям

богатства и бедности, показало, что для русского менталитета характерно более отрицательное отношение к деньгам и богачам. Кроме того, для русского человека нежелательно, или даже неприемлемо, находиться за чертой бедности. Напротив, в сознании английского человека богатство выступает в роли жизненного блага и желаемой власти. Однако, как и в случае с русскими паремиями, превалируют английские пословицы и поговорки с негативной оценкой богатства. По отношению к бедности у английского народа нет категоричной оценки, в данном случае наблюдается двойственность отношения к проблеме безденежья.

Английские и русские паремии отражают особенности восприятия мира представителей двух наций. Пословицы и поговорки способствуют лучшему, а также и более быстрому, пониманию менталитетов русских и англичан, особенностей их характера и образа жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алефиренко Н.Ф.* Фразеология и паремиология. М. : Флинта. Наука, 2009.
2. *Зимин В.И.* Русские пословицы и поговорки. М. : ШколаПресс, 1994.
3. *Иванова, Е.В.* Пословичная концептуализация мира: на материале английских и русских пословиц : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20. СПб., 2003.
4. *Кусковская С.Ф.* Сборник английских пословиц и поговорок. Мн.: Выш.шк., 1987.
5. *Логутенкова О.Н.* Репрезентация фольклорной картины мира в языковом сознании билингвов (на материале паремиологических единиц тематической группы «время») // Вестник Российского университета дружбы народов / редкол.: В.П. Синякин [и др.]. М: Изд-во РУДН, 2018. — С. 654–660.

6. *Маргулис А. Холодная А.* Русско-английский словарь пословиц и поговорок. McFarland & Company, Inc., Publishers Jefferson, North Carolina, and London, 2000.

7. *Simpson J. Speake J.* The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford, 1998.

СЕМАНТИКО-ДЕНОТАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ СТРАХА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Загорская А. С.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В представленном докладе устанавливается семантико-денотативная организация коррелятивных фразеосемантических полей 'страх' в русском языке и 'fear' в английском. Внутри поля выделяются пять макрогрупп: предпосылки страха, особенности переживания страха, последствия страха, лица, испытывающие страх, и отсутствие страха. Макрогруппы анализируются в сопоставительном ключе, оценивается их удельный вес в поле. На основе полученных данных формируются выводы о сходствах и различиях полей в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеосемантическое поле, английский язык, русский язык, семантико-денотативная организация.

Семантико-денотативная организация фразеосемантических полей 'страх' и 'fear' определяется на основе особенностей структуры самого феномена страха. В психологии выделяют такие составные части страха как предпосылки, особенности переживания страха и влияние его последствий на личность и действия индивида [7, с. 442]. Ввиду того, что страх не может существовать, если его никто не испытывает, в структуре феномена также можно выделить денотат лица, испытывающего страх.

Согласно одному из основных свойств языкового знака «знак всегда соотнесен с другими знаками, т.е. противопоставлен другому или другим знакам в рамках данной системы» [1, с. 77]. На всех ярусах языка, включая лексический, языковые единицы структурно организуются, в том числе, благодаря синтагматическим и

парадигматическим отношениям. Многие явления в языке представлены в оппозиции. Соответственно, представляется логичным выделить в структуре явления и денотативную группировку, обозначающую ‘отсутствие страха’.

Таким образом, в семантико-денотативной организации фразеосемантических полей ‘страх’ и ‘fear’ в русском и английском языках выделяется пять макрогрупп: 1) предпосылки страха; 2) особенности переживания страха; 3) последствия страха; 4) лица, испытывающие страх; 5) отсутствие страха. Рассмотрим подробнее каждую из них.

Макрогруппа ‘предпосылки страха’. Макрогруппа ‘предпосылки страха’ составила 11% в русском языке и 35% в английском языке от всего фразеосемантического поля.

Как видно из полученных данных, в английском языке макрогруппа ‘предпосылки страха’ представлена бóльшим количеством фразеологизмов. Предположим, что это вызвано особенностями языковых систем английского и русского языка, первый из которых является аналитическим, а второй – синтетическим. Отличительной чертой аналитических языков является тенденция к выражению грамматических и лексических значений вне слова, в то время как в синтетических языках для этих целей чаще используются аффиксы [4, с. 223-224]. В аналитических языках активнее развиваются метафорические значения уже существующих в языке слов и словосочетаний [2, с. 107–108; 5, с. 117], чем в синтетических. Докажем утверждение на конкретных примерах.

Продуктивными показали себя сочетания глагола *make* в значении ‘5. to force someone to do something’ [LDCE online] ‘3. заставлять, побуждать (кого-л. сделать что-л.)’ [БАРИРАС онлайн] с существительными: *make sb’s blood run cold* ‘приводить (кого-л.) в

ужас' [УАРС онлайн], *make sb's flesh / skin creep* 'приводить (кого-л.) в ужас, приводить в содрогание' [УАРС онлайн].

Комбинации субстантивных единиц с глаголом *give*, имеющим в английском языке широкий спектр значений, поспособствовали формированию ряда фразеологизмов с общим вербальным компонентом: *give sb the shivers* 'нагнать страху на кого-либо' [УАРС онлайн], *give sb a start* 'испугать кого-л.' [УАРС онлайн] и др.

Для русского языка, напротив, характерно большее разнообразие компонентных составляющих фразеологических единиц: *брать на бас* 'пытаться силой заставить кого-н. сделать что-то, напугать кого-то' [ФСРЯ 2003, с. 16], *задавать копоту* 'нагнать страху' [ФСРЛЯ, с. 237], *напугать страху* 'устрашить кого-л., внушить страх кому-л.' [ФСРЯ, с. 162] и так далее.

В макрогруппу 'предпосылки страха' вошли фразеологизмы, номинирующие:

а) лица и объекты, внушающих страх: *гог и магог* 'о ком-, чем-л. всемогущем или внушающем страх, ужас' [ФСРЯ, с. 50], *(словно) исчадь ада* '1. О страшном, жестоком человеке' [ФСРЛЯ, с. 279], *a bad trip* 'пугающий или по-другому неприятный опыт' [АНДИ, с. 57].

б) действия, по внушению страха: *не давать дышать* 'подавлять, угнетать, держать в страхе кого-либо' [ФСРЛЯ, с. 167], *вгонять в пот* '2. расстраивать, пугать, волновать' [ФСРЛЯ, с. 60], *curl sb's toes* 'напугать или шокировать кого-л.' [CIDI, с. 396], *hit (sb) like a ton of bricks* 'удивить, испугать или шокировать кого-л.' [AID, с. 194].

В обоих языках фразеологизмы, называющие действия, вызывающие страх, значительно превалируют над наименованиями лиц и объектов из-за которых появляется чувство страха.

Макрогруппа 'особенности переживания страха'. Макрогруппа 'особенности переживания страха' представлена во фразеологических составах обоих языков наибольшим количеством фразеологизмов.

Процентная доля макрогруппы в русском языке составила 70% от общего числа фразеологизмов, в английском языке – 48%, что говорит о значительной важности данного аспекта страха для представителей обоих языковых сообществ.

Часть фразеологизмов макрогруппы ‘особенности проживания страха’ сформировалась посредством переосмысления моментов проживания страха, связанных с физическими ощущениями, испытываемыми человеком. Ввиду общечеловеческой природы и независимости телесного переживания страха от культурных или других факторов, фразеологизмы, сформировавшиеся на базе чувственного опыта переживания страха, отличаются универсальностью (их можно найти в разных языках) и наличием полных эквивалентов в языках: *обливаться холодным потом* ‘испытывать чувство сильного страха’ [ФСРЛЯ, с. 425], *break out in a cold sweat* ‘потеть из-за жара, страха или волнения; неожиданно начать сильно потеть’ [AID, с. 48], *колени дрожат* ‘кто-либо очень сильно боится, испуган чем-либо’ [ФСРЛЯ, с. 302], *one's knees are shaking* ‘кто-то трясётся или дрожит из-за страха, волнения или нервозности’ [FD online].

Фразеологизмы, образованные в ходе эмоционального, ассоциативного переосмысления процесса переживания чувства страха, отличаются большей степенью своеобразия, что обусловлено этнокультурной спецификой отношения к страху в том или ином обществе, особенностями исторического и культурного развития народа. Например, русские фразеологизмы *бояться тележного скрипу* ‘быть боязливым, трусливым’ [ФСРЛЯ, с. 37], *небо с овчинку показалось* ‘о чувстве сильного страха, испуга, боли’ [ФСРЯ, с. 178] не имеют полных эквивалентов в английском языке.

К фразеологизмам, отражающим специфику переосмысления переживания страха носителями английского языка, относятся

фразеологизмы *sweat bullets* ‘быть очень взволнованным или испуганным’ [CIDI, с. 53] (букв. ‘потеть пулями’), *hit / press / push the panic button* ‘неожиданно запаниковать’ [AID, с. 304] (букв. ‘ударять по / надавливать / нажимать тревожную кнопку’).

В семантических структурах большинства фразеологизмов, номинирующих особенности переживания страха, нашла отражение такая качественная характеристика феномена как сила переживания. Ряд других фразеологизмов не отражает степень страха, а констатирует переживание чувства страха как такового. Покажем это на конкретных примерах:

а) переживание страха в целом: *захолонуло на душе / на сердце* ‘о состоянии испуга, потрясения’ [ФСРЛЯ, с. 253], *in fear and trembling* ‘с волнением или страхом’ [AID, с. 207];

б) сильный страх, паника: *душа на честном слове держится* ‘о состоянии сильного страха, испуга’ [ФСРЛЯ, с. 216], *in a blue funk* ‘1. в состоянии паники или ужаса’ [АНДИ, с. 93].

Носители русского и английского языка также отражают во фразеологии категорию неожиданности страха: *душа ушла в пятки* ‘о сильном испуге, внезапном страхе’ [ФСРЯ, с. 74], *one’s heart sinks into one’s boots* ‘используется, чтобы выразить чувство неожиданного уныния или страха’ [ODI, с. 34].

Макрогруппа ‘последствия страха’. Любая испытываемая человеком эмоция или чувство приводит к каким-либо действиям с его стороны, что обусловлено одной из базовых функций эмоции – побудительной [3]. Чувство страха – не исключение.

Во фразеологии рассматриваемых языков отражены два типа поведенческой реакции на страх: стремление избежать страха или справиться с ним. Реакция человека на страх бегством маркирована преимущественно негативно. Что вполне логично объясняется отношением человека к такому действию: трусость никогда не была в

почёте ни в одной этнолингвокультуре. В данной категории фразеологизмов человек наделяется характеристиками, свойственными животным, испытывающим страх: *в кусты (спрятаться, уйти)* ‘испугавшись, уклониться от чего-л.’ [ФСРЯ, с. 129], *turn tail* ‘убежать, особенно если ты напуган’ [CIDI, с. 382].

Объективизация идеи освобождения от страха происходит за счёт осмысления процессов, происходящих с человеком при отступлении страха: *отлегло от сердца* ‘об избавлении от чувства страха, тревоги, беспокойства’ [ФСРЯ 2003, с. 466], *find your tongue* ‘начать говорить после того как ты молчал из-за того, что чувствовал волнение или страх’ [CIDI, с. 397].

В целом, макрогруппа ‘последствия страха’ составляет 13% в русском и 9% в английском от всего количества фразеологизмов, что свидетельствует о довольно большой важности соответствующего аспекта страха для носителей языка.

Макрогруппа ‘лица, испытывающие страх’. Макрогруппа ‘лица, испытывающие страх’ оказалась самой малочисленной. Она составила 2% от русского фразеологического поля и 3% английского.

В русских фразеологизмах, вошедших в макрогруппу, ключевым компонентом значения является трусость: *заячья душа* ‘о трусливом, робком человеке’ [ФСРЯ 2003, с. 158] и *не из храброго десятка* ‘о трусливом человеку’ [ФСРЯ, с. 66]. Таким образом, в русской фразеологической картине мира человек, испытывающий страх, зафиксирован с неодобрительным эмоционально-оценочным коннотативным значением.

В английском языке можно наблюдать такое же явление. Фразеологизмы *bundle of nerves* ‘крайне нервный, напряженный или пугливый человек’ [АНДИ, с. 117] и *scaredy cat* ‘кто-л., в особенности ребёнок, которого легко напугать’ [CD online], в первую очередь, ориентированы на отражение боязни человека как проявления не

самого социально-одобрительного чувства, трусости. Однако, в английской фразеологической системе отразился также такой феномен реальности, когда человек соглашается со всем, что говорил другой человек из чувства страха перед ним. В языке это явление зафиксировано с помощью фразеологизма *yes man* ‘человек, который соглашается со всеми пожеланиями кого-л. вышестоящего из страха или в надежде продвижения’ [АНДИ, с. 917]. В русском языке компонент значения ‘соглашаться из чувства страха’ отражен в ряде синонимичных лексем: подхалим, подпевала [АРСС онлайн] однако фразеологически не выражено.

Макрогруппа ‘отсутствие страха’. Макрогруппа ‘отсутствие страха’ составляет 4% от фразеосемантического поля страх в русском языке и 5% в английском. Исходя из количественных данных можно сделать вывод о не ярко выраженной значимости феномена отсутствия страха для носителей обоих языков. Наиболее отчетливо это прослеживается при сравнении процентных соотношении данной группы с противоположной её по значению (‘особенности переживания страха’), которая составляет 70% в русском языке и 48% в английском языках.

Причина такого существенного количественного разрыва между макрогруппами объясняется тем, что, согласно одному из свойств фразеологии, наибольшую репрезентативность в фразеологической системе получают феномены реальности, вызывающие сильный и/или негативный эмоциональный отклик. Являясь сильной и негативной эмоцией, страх получил более детальное и крупное изображение во фразеологии по сравнению с его отсутствием.

Семантика отсутствия страха во многих фразеологизмах реализуется с помощью добавления отрицательных частиц, таких как «не», «without», «not» к глаголу, выражающему действие, свойственное человеку при чувстве страха: *глазом не моргнул* ‘2. Не

проявил признаков волнения, страха и т.п.' [ФСРЛЯ, с. 379], *not turn a hair* 'не бояться или расстраиваться, оставаться спокойным' [АНДИ, с. 858].

В целом, единицы как русской, так и английской макрогруппы обобщенно и нейтрально отображают отсутствие страха. За исключением фразеологизма *Dutch courage*, имеющего значение 'уверенность, которую ты получаешь, выпив что-л., перед тем как сделать что-т., чего ты боишься' [CIDI, с. 108]. Помимо общей, нейтральной семантики отсутствия страха в английской фразеологии отразился особый тип её проявления – смелость и бесстрашие под воздействием алкоголя. Русскими эквивалентами выражения называют *смелость во хмелю; море по колено; пьяная удаль*. Однако в русскоязычных фразеологических словарях у выражений *смелость во хмелю; пьяная удаль* семантика страха не фиксируется, а выражение *море по колено* 'ничто не страшно для кого-либо; все нипочём кому-либо' [ФСРЛЯ, с. 379] хоть и может выступать эквивалентом английского выражения, не передает его коннотативного значения полностью.

Таким образом, по семантико-денотативному признаку фразеологизмы семантических полей 'страх' и 'fear' организуются в пять макрогрупп: 'предпосылки страха', 'особенности переживания страха', 'последствия страха', 'лица, испытывающие страх' и 'отсутствие страха'. Наиболее многочисленной является макрогруппа 'особенности переживания страха', самой малочисленной – 'лица, испытывающие страх'. Ряду фразеологизмов, сформировавшихся на базе переосмысления моментов переживания страха, связанных с физическими ощущениями, характерна универсальность. Во фразеологии обоих языков в макрогруппе 'особенности переживания страха' объективировались такие характеристики страха, как неожиданность и сила воздействия. Вместе с тем, для фразеологизмов,

образованных при ассоциативном переосмыслении страха, характерно национальное своеобразие, выраженное, по большей части, в специфике образных основ фразеологизмов.

Сокращения лексикографических источников:

АРСС – Англо-русский современный словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://top_english.academic.ru/ – Дата доступа: 18.02.2021. **БАРИРАС** – Большой англо-русский и русско-английский словарь // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/eng_rus/ – Дата доступа: 14.02.2021. **ФСРЛЯ** – Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. – 3-е изд. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – с. 878. **ФСРЯ** 2003 – Фразеологический словарь русского языка / И. В. Федосов, А. Н. Лапицкая. – М.: ЮНВЕС, 2003. – с. 608. **ФСРЯ** – Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. – 3-е изд. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2007. – 336 с. **AID** – American Idioms Dictionary / Richard A. Spears. – Third edition. – NTC Publishing group, 2000. – 626 p. **AHDI** – American Heritage Dictionary of Idioms / Christeen Ammer. – Second edition. – Boston, 2013. – 920 p. **CD online** – Cambridge Dictionary online // [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> – Date of access: 03.03.2021. **CIDI** – Cambridge International Dictionary of Idioms // Cambridge University Press, 2002. **LDCE online** – Longman Dictionary of Contemporary English Online // [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ldoceonline.com/> – Date of access: 02.02.2021. **ODI** – Oxford Dictionary of Idioms / Edited by J. Siefring. – Second edition. – Oxford University Press, 2004. – 346 p. **FD online** – The Free Dictionary // Farlex [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.thefreedictionary.com/> – Date of access: 14.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко М. А. Курс лекций. Введение в языкознание. Тула: Тульский государственный университет, 2007.
2. Гутовская, М. С. Лексико-фразеологическая структура поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках. Мн.: БГУ, 2019.
3. Макарова И. В. Общая психология / И. В. Макарова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studme.org/139411035109/psihologiya/obschaya_psihologiya - Дата доступа: 11.02.2021.
4. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1987.
5. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика: 2-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2000.
6. Нижнева Н. Н. (отв. ред.) и др. Идеи. Поиски. Решения: Сборник статей и тезисов XIV Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов // Фразеосемантическое поле 'страх': анализ перспективности исследования. 2020. Т. 1, С. 50 – 57.
7. Чернавский А. Ф. Психофизиологические предпосылки проявления страха / А. Ф. Чернавский // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2007. №45. – С. 442 – 448.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ДУБЛИРОВАНИИ КИНОФИЛЬМА РАЙАНА ДЖОНСОНА «KNIVES OUT»

Зяткина У.В.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье раскрываются лингвистические и технические особенности дублированного киноперевода, анализируется использование переводческих трансформаций при дублировании. Представленные в статье результаты исследования показывают частоту употребления различных переводческих трансформаций при дублировании кинофильма «Knives Out» на русский язык.

Ключевые слова: киноперевод; дублирование; переводческие трансформации.

Сегодня интерес к кинофильмам возрастает по всему миру, причем наибольшую популярность получают англоязычные картины. Качественный перевод способен влиять на успех фильма за пределами страны-производителя, поэтому существует необходимость исследовать и развивать киноперевод, реализуемый в основном с помощью дублирования и субтитров.

К особенностям дублирования относятся максимальная верность духу оригинала, создание совместимости диалога с артикуляцией актеров, достижение естественного звучания реплик [2, с. 28]. Д.М. Бузаджи и В.К. Ланчиков к сложностям дублирования относят необходимость учитывать продолжительность реплик, согласование заданной репликой интонации с мимикой и жестами актера, удобопроизносимость реплик [1, с. 12]. Р.А. Матасов указывает, что при переводе киноматериала переводчик должен «выявлять культурно-маркированные элементы» в оригинале и подбирать их

аналоги в переводящем языке [3, с. 11]. Отметим, что при дублировании переводчик стремится передать эмоциональный и эстетический эффект кинофильма, при этом созданный текст должен быть адекватным и верно понятым зрителями.

На том основании, что в работе с текстом постоянно приходится сталкиваться с различными трудностями на пути к достижению адекватного и эквивалентного перевода, переводчик использует переводческие трансформации, определяемые А.Д. Швейцером как «межъязыковые операции “перевыражения” смысла» [4, с. 118].

Для оценки распространенности и эффективности переводческих приемов в процессе дублирования кинофильмов были проанализированы двести реплик в оригинальном озвучивании и русском дублировании детективного фильма Райана Джонсона «Knives Out» (2019).

При помощи анализа переведенных и оригинальных реплик фильма «Knives Out» было выяснено, какие трансформации и с какой частотностью применял переводчик в процессе перевода.

Переводческие трансформации, используемые в переводе фильма «Knives Out» (на 200 примеров)

Трансформация	Количество	Процент
Целостное преобразование	47	18,4%
Модуляция	43	16,8%
Опущение	42	16,4%
Дословный перевод	33	12,9%
Грамматическая замена	19	7,4%
Добавление	13	5%
Транскрибирование и транслитерация	13	5%
Конкретизация	11	4,3%
Антонимический перевод	8	3,1%

Компенсация	7	2,7%
Калькирование	6	2,3%
Описательный перевод	5	1,9%
Перестановка	5	1,9%
Генерализация	3	1,1%

Рассмотрим подробнее наиболее частые и редкие трансформации на конкретных примерах.

Наиболее распространенным способом перевода оказалось **целостное преобразование**, что объясняется особенностью данного приема передавать смысл и экспрессивность фразы.

Оригинал: I just think this is a window that's not gonna stay open.

Перевод: Я сомневаюсь, что этот шанс выпадет еще раз.

Из контекста мы знаем, что речь идет о деньгах, которые готова вложить компания в производство фильма, и если герои откажутся от предложения, то больше никогда его не получат. Оригинальная метафора заменяется в переводе фразой, которая передает тот же смысл, но более привычна русскоговорящему зрителю.

Также наиболее распространенным способом перевода в фильме «Knives Out» является **модуляция**, используемая для передачи образности речи и позволяющая избежать смысловой неопределенности.

Оригинал: I don't do much fiction reading myself.

Перевод: Я беллетристику читать не любитель.

В данном случае прослеживается следующая логическая цепочка: раз герой читает мало художественной литературы, значит, он не любит ее читать. Таким образом, в переводе используется реплика, выражающая следствие.

Довольно часто переводчик прибегает к приему **опущения**, что, как правило, объясняется необходимостью укоротить переведенный текст из-за того, что русские слова длиннее английских и не

укладываются в отведенный на произношение фразы промежуток времени.

Оригинал: Harlan took you aside at the party.

Перевод: Харлан отвел вас в сторону.

Благодаря визуальной составляющей фильма зритель знает, что дело происходит на праздновании юбилея, и переводчику вовсе не обязательно пояснять это в тексте, поэтому он решает опустить *at the party*.

Переводчик также обращается к **дословному переводу**, если замена оригинальных конструкций аналогичными не искажает смысл высказывания и совпадает по длительности звучания с англоязычной репликой.

Оригинал: He lives in fear.

Перевод: Он живёт в страхе.

Крайне редко встречается **описательный перевод**, поскольку технические ограничения не позволяют переводчику значительно увеличить количество слов.

Оригинал: I mean, the guy practically lives in a Clue board.

Перевод: Он жил как персонаж игры про убийство.

«Clue» – название настольной игры, особенность которой заключается в расследовании убийства хозяина загородного особняка, при этом каждый гость находится под подозрением. В сюжете фильма лежит та же история, и герой замечает эту параллель. Однако переводчик подозревает, что не все зрители знакомы с названной игрой, поэтому решает описать смысл игры, чтобы зрители смогли понять и согласиться со сравнением, используемым героем.

Реже всего переводчик использовал прием **генерализации**, что объясняется стремлением переводчика конкретизировать информацию.

Оригинал: You had to make the rounds with a 94.

Перевод: Приходилось делать обход с Винчестером.

В данном случае переводчик понимает, что фраза *делать обход с 94-ым* прозвучала бы непонятно для зрителя, поэтому он заменяет на более широкое понятие *Винчестер*, чтобы зритель догадался, что речь идет о винтовке. В целом, можно было бы генерализировать данное понятие еще больше и выбрать для перевода слово *винтовка*. В таком случае ни у кого бы не возникло вопросов насчет того, о чем идет речь.

Таким образом, анализ переводческих решений на примере кинофильма «Knives Out» показал, что целостное преобразование и модуляция являются приоритетными трансформациями в дублированном переводе по ряду причин: во-первых, отсутствие в русскоязычной версии оригинальной звуковой дорожки дает переводчику возможность полностью или частично менять кинотекст, подстраивать его под нормы русского языка и при этом сохранять оригинальный коммуникативный эффект, во-вторых, технические ограничения требуют от переводчика преобразовывать русский текст до тех пор, пока он не синхронизируется с аудиовизуальной составляющей кинофильма.

Подводя итоги, можно сказать, что разнообразные переводческие трансформации позволяют создавать кинотекст на другом языке, при этом согласовывать его с нормами переводящего языка и оказывать необходимый эмоциональный эффект на зрителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузаджи Д. М., Ланчиков В. К. По расчету и без брака. О разработке переводческой стратегии // Мосты. 2007. № 2 (14). С. 11–24.
2. Горшкова В. Е. Перевод в кино: монография. Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2006. 278 с.

3. *Матасов Р. А.* Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009. 23 с.

4. *Швейцер А. Д.* Теория перевода Москва : Наука, 1988. 216 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «МАЛЕНЬКИЕ ЖЕНЩИНЫ» ЛУИЗЫ МЭЙ ОЛКОТТ

Каврус Н.А.

Белорусский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена реалиям как переводческой проблеме. В статье рассматриваются основные способы передачи реалий, их специфика и значение при переводе художественного текста, опираясь на перевод романа «Маленькие женщины» Луизы Мэй Олкотт.

Ключевые слова: реалии, безэквивалентная лексика, способы перевода, художественный текст, Л.М. Олкотт.

Проблема выбора способов передачи реалий, их определения и классификации, а также в целом вопрос о значении данных единиц в процессе установления межкультурных связей долгое время находились вне внимания переводоведения. В литературе можно встретить многочисленные понятия, связанные с данной проблемой: «экзотизмы», «варваризмы», «локализмы», «лакуны», «фоновые слова», «коннотативные слова», «безэквивалентная лексика» и др.

Актуальность данной работы заключается в важности изучения реалий как переводческой проблемы, причиной для чего являются расхождения лингвистов в этом сложном и неоднозначном вопросе, что приводит к отсутствию системности и единой классификации реалий.

Наиболее полное представление о проблеме изучения, определения и перевода реалий можно получить из работы С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе». Реалии, по их мнению, стали обозначением «слов, называющих элементы быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного

устройства и фольклора, т.е. специфических особенностей данного народа, страны, чуждых другим народам и странам» [2, с. 6]. С. Влахов и С. Флорин указывают на четкое разделение терминов «безэквивалентная лексика» и «реалии»: реалии входят в область безэквивалентной лексики как самостоятельная группа слов. Наибольшую сложность для переводчика представляют форма реалий, их лексические, фонетические, морфологические особенности, сочетаемость, возможность словообразования и заимствования [2, с. 18].

Классификация С. Влахова и С. Флорина разделяет реалии на четыре основные группы, опираясь на предметное, местное (в зависимости от национальной и языковой принадлежности), временное (в синхроническом и диахроническом плане, по признаку «знакомости»), а также переводческое деление [2, с. 50].

В. С. Виноградов, например, предлагал деление реалий на шесть групп: бытовые реалии, этнографические и мифологические реалии, реалии природного мира, реалии государственно-административного устройства и общественной жизни (актуальные и исторические), ономастические реалии и ассоциативные реалии [1, с. 104-116]. В романе «Маленькие женщины» (1868) можно обнаружить примеры реалий из всех групп данной классификации. Однако, стоит отметить, что наибольшее внимание в романе уделено описанию американского быта, что позволяет причислить наибольшее количество лексем к группе бытовых реалий: *“hot house”*, *“the rocking chair”*, *“china closet”*, *“butter boats”*, *“nightcaps”*, *“housedress”*, *“poplins”*, *“velvet snood”*, *“tarlatan”*, *“neck ribbon”*, *“buckwheats”*, *“bread-and-milk breakfast”*, *“gingerbread”*, *“cabinet piano”* и др. Группа ассоциативных реалий, представленная лексическими единицами, символизирующими литературно-книжные аллюзии, также имеет многочисленные примеры. Произведение, чье влияние

наиболее сильно выражено в романе «Маленькие женщины», – «Путь паломника» (“The Pilgrim’s Process”, 1678) английского писателя и проповедника Джона Беньяна. Аллюзии на произведение встречаются, например, в названиях глав романа: “Playing Pilgrims” («Игра в пилигримов»), “Amy’s Valley of Humiliation” («Эми в Долине Уничижения»), “Meg goes to Vanity Fair” («Мег отправляется на Ярмарку Тщеславия»).

Английская викторианская литература оказала огромное влияние на становление Олкотт как писательницы, и именно по этой причине роман насыщен аллюзиями, к примеру, из произведений Чарльза Диккенса: упоминание новеллы “The Cricket on the Hearth” («Сверчок на печи», 1945), героини Сэйри Гэмп из романа “The Life and Adventures of Martin Chuzzlewit” («Жизнь и приключения Мартина Челзвита», 1843), а также аллюзия на произведение “The Posthumous Papers of the Pickwick Club” (“The Pickwick Papers”, 1837) – «Посмертные записки Пиквикского клуба».

Переводчики могут использовать разнообразные способы и приемы для передачи реалий при переводе художественного текста, используя средства родного языка, сохраняя при этом национальный компонент, заключающийся в данных лексических единицах. Наиболее распространенными способами перевода реалий в художественном тексте являются транскрипция и транслитерация, введение неологизма (калькирование, полукалькирование, освоение, введение семантического неологизма), приблизительный перевод (гипонимический, уподобляющий и описательный перевод), контекстуальный перевод; реалия также может быть подвергнута опущению, что не позволяет сохранить национальный компонент, содержащийся в той или иной лексической единице.

Примером передачи бытовой реалии при помощи транскрипции может служить данный отрывок романа: “*It was lined with books, and*

there were pictures and statues, and distracting little cabinets full of coins and curiosities, and Sleepy Hollow chairs, and queer tables, and bronzes, and best of all, a great open fireplace with quaint tiles all round it” [3, с. 76]; «Все стены библиотеки были сплошь уставлены книгами; были здесь и картины, и статуи, и изящные разделительные шкафчики, полные монет и разных древностей, и кресла «Слипи Холлоу», и удивительные столики, и всякие штуки из бронзы, а лучше всего – огромный открытый камин, весь в старинных изразцах» [4, с. 96]. В этом случае И. Бессмертная делает примечание, комментируя, что реалия «Слипи Холлоу» означает кресло-качалку с высокой спинкой, которое было популярным предметом мебели в США в середине XIX века, что, возможно, неизвестно русскоговорящему читателю. Использование транскрипции как способа перевода реалий демонстрирует стремление переводчицы передать звучание английских лексических единиц, используя фонетический принцип.

Для передачи реалий переводчица также использует прием транслитерации, передавая графическую форму исходного слова: *“Meg had an extra row of little curlpapers across her forehead, Jo had copiously anointed her afflicted face with cold cream...”* [3, с. 178]; «У Мег надо лбом появился лишний ряд папильоток, Джо обильно умастила пострадавшее лицо кольдкремом...» [4, с. 210]; *“...and he was very polite, and I had a delicious redowa with him”* [3, с. 49]; «...он был очень любезен, и мы с ним танцевали восхитительную редову» [4, с. 64].

В переводе романа «Маленькие женщины» можно обнаружить примеры использования калькирования, что является одним из наиболее распространенных способов передачи реалий: *“Heart's-ease is my favorite flower, and these will always remind me of the gentle giver”* [3, с. 92]; «Утешение сердца – мои любимые цветы, а Ваши всегда станут напоминать мне об их доброй дарительнице» [4, с. 114].

И. Бессмертная дает переводческий комментарий о том, что лексема “Heart’s ease” символизирует распространенное в Англии и США название фиалок, известных в русскоязычной традиции как «анютины глазки».

В романе «Маленькие женщины» можно встретить прием использования полужалы. Данный пример демонстрирует сочетание жалы и транслитерации: “One of these was the ‘P.C.’, for as secret societies were the fashion, it was thought proper to have one, and as all of the girls admired Dickens, they called themselves the Pickwick Club” [3, с. 144]; «Одним из новых было П. К., ибо, поскольку в моду вошли тайные общества, было найдено правильным создать таковое, а так как все любили Диккенса, они назвали свое общество Пиквикским Клубом» [4, с. 173].

Приблизительный перевод является одним из наиболее распространенных способов передачи реалий в романе «Маленькие женщины». Примером использования гипонимического перевода можно считать следующие отрывки: “She’s proud, but I don’t believe she’d mind, for that dowdy tarlatan is all she has got” [3, с. 126]; «Девочка горда, но я не думаю, что она откажется, потому что ее тарлатановое платье, кажется, единственное, что у нее есть» [4, с. 153]; ““What’s the use of asking that, when you know we shall wear our poplins, because we haven’t got anything else?” answered Jo with her mouth full” [3, с. 36]; «Ну что толку спрашивать? Ты ведь сама знаешь, что у нас с тобой, кроме поплиновых платьев, ничего другого нет. Их и наденем! – с полным ртом ответила Джо» [4, с. 49]. В данных примерах заметно использование конкретизации: переводчица заменяет названия материалов (tarlatan, poplin) словами с более узким значением – предметами одежды, изготовленными из этих тканей.

Примером использования уподобляющего перевода может послужить данный отрывок: “I hate to borrow as much as Mother does,

and I knew Aunt March would croak, she always does, if you ask for a ninepence” [3, с. 235]; «Я так же, как наша маменька, терпеть не могу занимать деньги, и я знала, что тетушка Марч станет каркать, она вечно каркает, даже если гривенник у нее попросишь» [4, с. 274]. Переводчица уподобляет денежную единицу “ninepence”, имеющую небольшую ценность, десятикопеечной русской монете под названием «гривенник», которая более понятна русскоговорящему читателю.

Таким образом, в романе «Маленькие женщины» можно обнаружить реалии, характеризующие американскую культуру второй половины XIX века. Чаще всего в переводе романа используются приемы транслитерации, калькирования и приблизительного перевода, что позволяет сохранить национально-культурную составляющую реалий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001, — 224 с.

2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе: учебное пособие. — М.: Международные отношения. — 1980. — 342 с.

3. Олкотт Л. М. Little Women = Маленькие женщины : книга для чтения на английском языке / Л. М. Олкотт. — Обнинск : Титул, 2021. — 704 с. — (Titul Classics).

Олкотт, Л. М. Маленькие женщины: роман / Луиза Мэй Олкотт ; пер. с англ. И. Бессмертной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 384 с. — (Азбука-классика).

ВОЗМОЖНОСТИ ТЕКСТОВОГО ПОИСКА В ШВЕДСКОМ ПОДКОРПУСЕ НРКЯ

Ковалевская К. В.

Минский государственный лингвистический университет

Аннотация. Статья содержит сведения об основных возможностях текстового поиска в шведском корпусе НРКЯ. Раскрывается содержание понятия «текстовый поиск» и «метаразметка». Автор дает обобщенную характеристику классификации метатекстовой разметки шведского подкорпуса НРКЯ и ее структуры. В заключение раскрывается значимость текстовой разметки в корпусе и возможности использования корпуса текста в исследовательских целях.

Ключевые слова: корпус, разметка, корпусная лингвистика, поиск.

Значительной частью поискового процесса является текстовый поиск в корпусе, который предоставляет позволяет пользователям отбирать тексты из корпуса по заданным внешним параметрам: например, тексты художественной литературы, написанные автором женского пола, родившимся между 1920–1930 гг. Из списка выбранных текстов пользователь может создать свой собственный подкорпус или, подмассив, текстов, в котором в дальнейшем может осуществлять как и поиск точных форм, так и лексико-грамматический поиск [3, с.194 –195]. Функция выборки текстов и создания пользовательского подкорпуса становится возможно благодаря так называемой метаразметке или, метаописанию текстов. Данная функция значительно облегчает работу с огромными массивами текстов и предоставляет дополнительную лингвистическую (морфологическую, синтаксическую, семантическую, стилистическую) информацию о текстах.

Подкорпус может быть создан пользователем в следующих целях:

1. Осуществление поиска в текстах за конкретный период времени;
2. Осуществление поиска в текстах определенного автора или определенном тексте;
3. Осуществление поиска в текстах определенных жанров или тематики;
4. Осуществление поиска в текстах, которые появились в НКРЯ недавно или, наоборот, давно.

Пользователь может создать свой подкорпус текстов, выбрав функцию «Задать подкорпус», в любом корпусе, кроме синтаксического и исторического. Однако, набор параметров текста варьируется в зависимости от корпуса. Так, в мультимедийном параллельном корпусе (Мультипарк) в блоке «Жанр и тип текста» можно указывать место и время описываемых событий, в то время как в диалектном корпусе могут быть выбраны район и год записи текста.

Текстовый поиск становится возможным благодаря метаразметке. Под метаразметкой понимают приписывание тексту определенных атрибутов, которые характеризуют обстоятельства его создания, автора, тематику, особенности жанра и т.д. Совокупность этих признаков, характеризующих текст, называют также паспортом текста. Метаразметка служит основой для формирования архитектуры корпуса, а также позволяет контролировать процесс информационного наполнения корпуса, оценивать его представительность и сбалансированность [4, с. 3–5]. Метаразметка является необходимой для лингвистов и языковедов, пользующихся корпусов в исследовательских целях, т. к. функция метаразметки позволяет делать выборку текстов по определенным заданным параметрам: например, искать тексты, написанные только мужчинами, или тексты только мемуарного характера.

Существует мнение, что тщательно продуманная и качественно реализованная метатекстовая разметка может помочь справиться с проблемой балансировки текстов при составлении репрезентативного корпуса. Для этого разработчикам необходимо снабдить метаразметкой как можно большее количество текстов корпуса и предоставить пользователю возможность самому отбирать необходимые подкорпуса по предложенным признакам. Следовательно, чем больше набор параметров характеристики каждого текста, тем шире возможности для решения различных лингвистических задач [7].

Национальный корпус русского языка включает в себя внушительный объем текстов различных жанров и стилей, территориальных и социальных вариантов и т.п., поэтому метаразметка является незаменимой при работе с внушительным объемом разнородных текстов [6, с. 8–9]. Более того, одной из интересных задач, которую способна решить метаразметка является установление статистически достоверных корреляций между теми или иными метатекстовыми параметрами (например, полом или возрастом автора) и языковыми особенностями текста.

Существует несколько стандартов кодирования корпусной информации, однако наиболее авторитетными из них считаются TEI (Text Encoding Initiative), XCES (XML Corpus Encoding Standard), EAGLES (European Advisory Group on Language Engineering Standards) [1, с. 279–280]. Наиболее детальным стандартом считается кодировка TEI, которая подходит для представления абсолютно любых текстов и элементов текстовой информации, включая: структуру, заголовки, типы речи, страницы, цитаты, ссылки, сноски, исправления, таблицы, формулы, специальные символы, лингвистические аннотации и др. Стандарт TEI не ориентирован на корпусные приложения, но используется во многих существующих корпусах, включая BNC

(British National Corpus), Чешский национальный корпус и другие. Если рассматривать TEI и некоторые другие стандарты кодировки детально, то они являются слишком сложными для массовой разметки текстов. По этой причине первоначально для выделения характеристики текстов в НКРЯ была использована классификация EAGLES (European Advisory Group on Language Engineering Standards), предложенная Джоном Синклером [2, с. 251–263]. Данная классификация была использована для разметки материала в чешском, британском и американском национальных корпусах. Для описания материала русского языка классификация была адаптирована С.А. Шаровым.

Классификация в отечественной лингвистике речи близка с оригинальной классификацией EAGLES, которая отражает структуру акта коммуникации, и включает в себя использование категорий «сфера функционирования текста» и «речевой жанр» как тип текста. Речевые жанры не привязываются на прямую к коммуникативным целям, как в классификации Синклера.

При создании НКРЯ у разработчиков была задача отразить картину реального употребления языка определенного периода и при этом было разработано решение минимального вмешательства в соотношение реальных текстов, употребляемых в различных сферах речевой практики. Однако, разработчики были ограничены отбором изданий на этапе наполнения корпуса текстами. Учитывались такие факторы, как общественная значимость и популярность произведений, оценка критиков и т.п.

На данный момент для описания текстов национального корпуса русского языка используются 25 признаков, 9 из которых характеризуют текст, 3 параметра характеризуют автора, 3 – возможную аудиторию, 4 параметра содержат библиографическую информацию о тексте, 5 параметров представляют собой служебную

информацию [5, с. 244–245]. Однако, в параллельном корпусе при задании подмножества корпусов доступны не все параметры. Так, при задании подкорпуса в параллельном корпусе шведского языка существует возможность указывать информацию об авторе, а именно: его имя и возраст; выбрать тип корпуса (двухязычный или многоязычный); год создания текста; имя переводчика; язык оригинала и перевода; дату перевода и сферу функционирования произведения.

Таким образом, текстовый поиск позволяет сузить поиск информации среди внушительных массивов текстов в НКРЯ и отобрать необходимые тексты по указанным характеристикам. Создав свой подкорпус, пользователь может осуществить фразовый и лексико-грамматический поиск в текстах по выбранным заранее параметрам. Благодаря внушительной метатекстовой разметке НКРЯ, которая включает в себя лингвистическую (морфологическую, синтаксическую, семантическую, стилистическую), социологическую и библиографическую информацию возможности поиска для решения различных лингвистических задач значительно расширяются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аброскин, А. А. Поиск по корпусу: проблемы и методы их решения / А. А. Аброскин. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 279–280.
2. Амиева А. М., Филимонов В. В., Сергеев А. П. Основные методики исследования структуры текста // Передача, обработка, восприятие текстовой и графической информации. – Екатеринбург, 2015. С. 251-263.
3. Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Б. Л. и др. Синтаксически и семантически аннотированный корпус русского

языка: современное состояние и перспективы. – М.: Индрик, 2005. – С.194 –195.

4. Захаров, В.П. Корпусная лингвистика: учебник для студентов гуманитарных вузов/ В.П. Захаров, С.Ю. Богданова. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – С. 3–5.

5. Кретов А. А. Анализ семантических помет в НКРЯ // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 244–245.

6. Ляшевская О. Н., Плунгян В. А., Сичинава Д. В. О морфологическом стандарте Корпуса современного русского языка // Научная и техническая информация, сер. 2. Информационные процессы и системы, 2005, № 6. С. 8–9.

7. Монгуш, Ч. М. Метатекстовая разметка в Национальном корпусе тувинского языка: структура и функциональные возможности [Электронный ресурс] /Монгуш Ч.М. // Новые исследования Тувы. 2016, № 4. – Режим доступа: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/613>. – (дата доступа: 07.05. 2020).

РОЛЬ СЛЕНГА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ковальчук А.В.

Белорусский государственный университет

Аннотация. Понимание языка носителей английского языка – международная проблема для нашего народа. Наши средние школы обучают студентов только основам английского языка. Наши университеты не готовят нас к британским улицам, ночлежкам, пабам, где люди говорят на своем языке, на языке, отличном от языка их родителей. Они используют другие слова – они используют сленг. Ни один из самых передовых и гибких способов преподавания английского языка ни в одной стране не может догнать современный быстро развивающийся английский.

Некоторые ученые делят английский язык на два разных языка: стандартный и сленг. Этот факт доказывает, что сленг становится очень важной частью английского языка. Незнание сленга вызывает большое недопонимание между студентами, изучающими язык, и его носителями.

Поэтому изучение сленга вызвало у нас интерес.

Объект исследования – сленгизмы молодежной и IT-сфер русского и английского языков.

Предмет исследования – специфика функционирования сленгизмов молодежной и IT-сфер в русском и английском языках.

Цель исследования – выявление роли сленга молодежной и IT-сфер в межкультурной коммуникации на русском и английском языках.

Для достижения данной цели нами были поставлены следующие **задачи:**

1. Рассмотреть понятие и сущность сленга как лингвистического явления.
2. Провести обзор классификаций сленгизмов.
3. Выявить основные типы сленгизмов в русском и английском языках.
4. Определить специфику образования сленгизмов молодежной и IT-сфер в русском и английском языках.
5. Провести сравнительную характеристику роли сленгизмов молодежной и IT-сфер в межкультурной коммуникации на русском и английском языках.

Решение данных задач позволило сделать следующие выводы.

Во-первых, внутри обществ существуют социальные группы, в которых происходят деления. Они часто возникают из-за социального неравенства, которое присутствует между этими различными социальными группами, а также из-за того, как эти группы взаимодействуют и относятся друг к другу. Они классифицируют части общества, включая возрастные, этнические, религиозные принадлежности, социальный класс, здоровье и многое другое. Вместе с тем, происходит социальное деление на речевом уровне, т.к. для всех социальных групп характерным является языковое поведение ее членов. В этой связи можно выделить языковые характеристики различных социальных групп.

Сленг является неотъемлемым элементом культуры. Изучение иностранного языка неразрывно связано с изучением культуры носителей языка. Обучение сленгу, идиоматическим выражениям и фразовым глаголам способствует расширению словарного запаса, пониманию неформальных речевых паттернов, встречающихся в медиа текстах и повседневном общении с носителями языка, а также развитию навыков говорения.

Итак, сленг — это определенные слова или выражения, которые в основном не входят в литературный язык и используются в неформальном общении определенных социальных групп.

В зависимости от сферы употребления сленг принято разделять на:

- общий (общеизвестный и общеупотребительный)
- специальный (малоизвестный и узко употребительный)

Общий сленг включает в себя слова, которые не являются специфическими для какой-либо социальной или профессиональной группы, тогда как специальный сленг характерен для подобных групп: подростковый сленг, сленг студентов, сленг школьников, футбольный сленг, морской сленг и т. д.

Данная классификация сленга (общий и специальный) была впервые отмечена в самом полном словаре — «тезаурусе» американского сленга, первый выпуск которого был опубликован в 1942 году.

Несмотря на принятую лингвистами описанную выше классификацию, целесообразно выделить еще одно немаловажное направление — интернет-сленг.

Что касается функций сленга, то лингвисты не придерживаются единой точки зрения. Как правило, к основным функциям сленговой лексики относят: функцию идентификации, коммуникативную, эмоционально-экспрессивную, оценочную, когнитивную, манипулятивную и функцию экономии времени (языковой экономии).

Среди основных сфер употребления сленга в русском языке можно выделить следующие: школьный сленг (*училка, контролка, дискач*), студенческий сленг (*первачи, уник, степуха*), молодежный сленг (*туса, тиктокер, жиза*). С развитием компьютерных технологий появился интернет-сленг (*личка, кикнуть, скринить*). Как пример профессионального сленга — сленг работников быстро

развивающейся IT-сферы (*бэкап, сисадмин, ява*). Рассматривая образование сленгизмов в русском языке, стоит отметить, что существенную роль здесь играют англицизмы (*краш, чилл, вайб*).

Говоря о специфике использования сленга в английском языке, явного разграничения между школьным и студенческим сленгом у американцев не наблюдается. Существуют просто общепринятые сленговые выражения, употребляемые в сфере обучения (*to slack off, to cram, pop quiz*). В английском языке, так же, как и в русском присутствуют сленговые выражения характерные для отдельной группы лиц, которые принадлежат к определенной профессиональной сфере, например, IT (*founder syndrome, plug-and-play, flight risk*).

Среди отличительных признаков английского сленга (в частности интернет-сленга) является использование различных вариаций аббревиатур, в особенности, акронимов (*asap, YOLO, lmao*).

Слова и фразы английского языка часто образуются с помощью упрощения или усечения, поскольку английский молодежный сленг (как и любой другой сленг) стремится к более легкому, быстрому выражению мысли.

Изучение сленгизмов как части русской и английской культур позволило сделать следующие обобщения:

- 1) В большинстве случаев сленговая лексика заимствована из английского языка, особенно слова, используемые в компьютерной сфере, интернете и т. д.

- 2) Сленг является наиболее динамичным сегментом обоих языков, постоянно обогащается и обновляется;

- 3) Многие сленговые выражения имеют как отрицательный, так и положительный подтекст, которые могут варьироваться в зависимости от языка.

Для обоих языков характерны причины функционирования молодежного сленга:

1. Попытка сделать свою речь непонятной для окружающих.
2. Желание выразить свои эмоции кратко, но выразительно (многие сленговые слова невозможно перевести на литературный язык одним словом, в том числе и на иностранный язык).
3. Необходимость адаптироваться к определенной социальной среде, показать, что они принадлежат компании.
4. Желание проявить свою индивидуальность, отличаться от других.
5. Попытка произвести впечатление на старшее поколение.

Изучив официальную статистику среди носителей сленга в английском и русском языках на основе исследования, проведенного в 2017 году в рамках городской конференции в городе Омске, выявлен общий возраст человека, употребляющего сленг. Это оказались молодые люди в возрасте от 10 до 30 лет. Многие из них относятся к употреблению сленговых выражений положительно.

Если составить портрет потенциального пользователя сленга, то мы получим молодого человека, преимущественно школьника или студента. Помимо получения образования он может интересоваться самыми разнообразными сферами деятельности: от музыки, спорта, дизайна вплоть до неформальных молодежных сообществ. Именно в таких кругах, объединениях по интересам использование сленга является неотъемлемой частью общения, что служит ключевым фактором формирования новых сленговых выражений и внедрения их в массы.

Можно сделать вывод, что сленг выполняет в языке экспрессивную функцию, делая его более эмоциональным и выразительным. Широкое употребление сленговых выражений свидетельствует о динамичном развитии этого сегмента лексики в современном русском и английском языках.

Несмотря на споры о том, меняет ли сленг состояние языка или нет, нельзя отрицать его влияние и актуальность, а также то, как быстро общество адаптировалось к этим новым тенденциям.

ВНУТРИЯЗЫКОВАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЁМ НА ПРИМЕРЕ ВСЕМИРНОЙ НОВОСТНОЙ СЛУЖБЫ ВВС

Косак Е.А.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В данной статье к курсовой работе описывается языковая, фонетическая и внутриязыковая фонетическая интерференция с одной стороны как явление, препятствующее усваиванию изучаемого языка, и как риторический приём, используемый для достижения наилучшей коммуникации с определенной аудиторией с другой. Рассматривается работа всемирной новостной службы ВВС, которая одна из первых стала применять различные диалекты в рамках новостного телевидения.

Ключевые слова: внутриязыковая фонетическая интерференция, лингвистическая интерференция, риторический приём, средство коммуникации, языковая система, диалект, фонология.

Язык, как известно, является важнейшим средством человеческого общения, с помощью которого люди обмениваются идеями и достигают взаимопонимания. Современные языковые системы очень обширные: каждый язык уникален, появляются новые слова, меняются нормы и тенденции произношения. Также любой язык имеет свойство приобретать уникальные черты произношения в разных регионах, где он используется.

Лингвистическая (языковая) интерференция довольно распространенное явление в контексте изучения иностранных языков. Возникает необходимость на начальном этапе обратиться к определению данного явления – это процесс смешения двух языков (чаще всего родного и изучаемого), применение различных языковых норм одного языка к другому. Существует и более специфическое

явление внутри языковой интерференции: **внутриязыковая фонетическая интерференция**, которая в свою очередь является смешением различных средств произношения внутри одного языка. Внутриязыковая интерференция носит системный характер и проявляется на всех языковых уровнях.

Лингвистическую интерференцию принято воспринимать и рассматривать как негативное явление, которое является исключительно вредоносным в процессе изучения иностранных языков. Тем не менее, автор данной работы подтверждает, что лингвистическая интерференция может являться специфическим риторическим приёмом, который позволяет достичь наилучшей коммуникации с различными носителями языка. Это подтверждается работой всемирной новостной службы ВВС, которые фактически первые предприняли попытку целенаправленного использования фонетической интерференции. Именно поэтому в *актуальности исследования* не может быть сомнений.

В первой главе данной курсовой работы анализируются теоретические основы исследования интерференции, раскрывается сущность понятия «интерференция». Особое внимание уделяется анализу внутриязыковой фонетической интерференции: рассматриваются проявления вмешательства в пределах несовершенных частей языка и трудности перевода, вызванные синтаксическими и пунктуационными особенностями языка.

Сравнение грамматических систем соприкасающихся языков позволяет избежать некоторых трудностей, вызванных вмешательством, за счет их сознательного сравнения. Феномен интерференции изучается в лингвистике, социолингвистике, психологии, психолингвистике, методиках обучения иностранным языкам.

Актуализация фонетического аспекта интерференции происходит на всех уровнях языковой системы и реализуется в речи независимо от сознания говорящего. Лингвистическая интерференция при переводе может проявляться как на уровне построения предложений в целом, так и на уровне морфем, представленных разными частями речи: местоимениями, глаголами, существительными, наречиями, причастиями, предлогами, союзами.

На основании исследования делается вывод, что языковая интерференция и фонетическая интерференция в частности является одним из факторов развития языка, а также средством достижения наиболее эффективной коммуникации.

Вторая часть курсовой работы описывает конкретно внутриязыковую фонетическую интерференцию как вредоносное явление для самой языковой системы с одной стороны и как риторический приём для достижения наилучшей коммуникации с другой. В пример приводится работа всемирной новостной службы BBC, которые уже давно практикуют использование различных диалектов английского языка в различных регионах Великобритании. Служба BBC намеренно использует интерференцию для более грамотного и качественного процесса сближения телезрителей со своей аудиторией:

В первую очередь в данной главе курсовой работы раскрываются понятия языковой и фонетической интерференции. В пример приводятся определения выделенные различными учёными-лингвистами: **Языковая интерференция** – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковом контакте, либо при индивидуальном усвоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного. Данное определение сформулировала В.Н.Ярцева. Оно представляется наиболее близким исследователю.

Фонетическая интерференция подразумевает перенос произносительных навыков, полученных индивидом в процессе овладения родным, доминирующим языком, на изучаемый язык, что нарушает фонетическую норму последнего. Именно этот процесс является причиной появления акцента и ошибок.

В ходе проведения данного исследования автор данной работы предпринимает попытку сформулировать собственное определение **внутриязыковой фонетической интерференции** на основании полученного материала: взаимовлияние различных компонентов и вариантов произношения внутри одной развитой языковой системы.

Таким образом, языковая и фонетическая интерференция возникают в результате смешения двух языков: родного языка обучаемого и того, который он изучает. Обучаемый переносит, так называемые, «языковые привычки» произношения (фонетическая интерференция) и др. и, как правило, допускает ошибки, поскольку причины и правила образования такого или иного способа произношения различаются.

Внутриязыковая интерференция новое понятие и малоизученное, тем не менее очень является актуальной темой для исследования, поскольку в нынешней социокультурной мировой среде язык как структура особенно динамичный и подвергающийся изменениям: от изменения норм произношения, до появления различных неолингвизмов (появление новых слов или тот случай, когда существующие слова приобретают новое значение) [2, с.24].

В заключительной части исследования описывается работа BBC с языковой интерференцией, использованием её в качестве особого риторического приёма:

В современном мире специалисты в британском телевидении намеренно используют произносительные черты нескольких разновидностей английского языка, создавая определенные удобные

языковые условия для той или иной группы населения. Также в данной курсовой работе описывается применение американского варианта произношения и даже использование индийского акцента в рамках новостного телевидения Великобритании [1, с.87].

Вторая часть данного исследования доказывает, что внутриязыковая фонетическая интерференция может успешно использоваться как риторический приём для достижения цели коммуникации с определенной аудиторией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильина, К.А. Фонетическая интерференция в новостных программах всемирной службы ВВС / К.А. Ильина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – Т. 8, № 74. – С. 85-90.

2. Квасова, Л.В. Изменения в системе английских местоимений в свете социолингвистических факторов / Л.В. Квасова, О.Е. Сафонова // Евразийский Союз Ученых. – 2015. – . – Т. 56, № 2. – С. 24-27.

3. Кузьмина, С.Е. О понятии языковой интерференции / С.Е. Кузьмина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2008. – № 1. – С. 36-38

КАЛАМБУР КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Кучук П. В.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В работе анализируются проблемы, связанные с определением термина «каламбур» в лингвистике, рассматриваются его основные классификации, информативные и контекстуальные характеристики.

Ключевые слова: каламбур, языковая игра, языковая шутка, понятие, классификация, информативная характеристика, контекстуальная характеристика.

В языке имеется большое количество средств осмеяния и комизма. К ним относят каламбур, а также схожие с ним остроты. Игру слов, или каламбур, можно наблюдать тогда, когда один из собеседников понимает какое-либо слово в широком смысле, а другой – в узком.

Каламбур является объектом довольно большого количества исследований, основанных на анализе текстов произведений русских, советских и зарубежных авторов. Наибольшее количество работ связаны с фразеологическим и полисемантическим видами каламбура.

Несмотря на значительное число исследований, в лингвистике всё ещё отсутствует общее мнение насчёт сути каламбура. Это доказывает, в частности, терминологическое разнообразие данного понятия. Часто синонимами выступают «игра слов», «словесная острота», «двойной смысл» и другие.

Огромное количество определений каламбура можно найти в различных толковых словарях. Остановимся на некоторых из них.

Например, в толковом словаре В.И. Даля зафиксировано следующее определение: «Каламбур м. франц. игра слов, по двусмыслию их, двоякому значенью; напр. Нет духу; неельный гость; не мой (не мой); избегай свет, а беды не избежать. Каламбурный, к

сему относящ. Каламбурить, сочинять каламбуры. Каламбурист м.-стка ж. кто сочиняет каламбуры.» [8].

В толковом онлайн-словаре русского языка С.И. Ожегова находим следующее определение каламбура: «Шутка, основанная на комическом использовании сходно звучащих, но разных по значению слов, игра слов» [9].

В качестве стилистической категории каламбур не числится среди тропов и риторических фигур в литературоведческих справочниках, однако лингвисты включают его в группу семантических фигур наравне с антитезой, климаксом, антиклимаксом и зевгмой. Между тем, необоснованно причислять игру слов к тропам или риторическим фигурам, так как она в большей степени является самостоятельным жанром художественной речи, который можно поставить рядом с поговоркой, пословицей, афоризмом и др., а не стилистическим приёмом. Каламбур имеет способность существовать и внутри более крупного жанра.

Существуют несколько проблем при определении термина «каламбур» в языкознании и литературоведении. Одна из них – понимание каламбура как одного из видов игры слов. Отдельные литературоведы приравнивают данные понятия (О.С. Ахманова, Д.Э. Розенталь), в то время как другие считают, что термин «игра слов» имеет более широкое значение, которое содержит разнообразные языковые приёмы, зачастую весьма отдалённые от каламбура (Е.П. Ходакова, Н.Л. Уварова, С. Флахов, С. Флорин).

Например, О.С. Ахманова в словаре лингвистических терминов даёт следующее определение: «Каламбур (игра слов) – фигура речи, состоящая в юмористическом (пародийном) использовании разных значений одного и того же слова или двух сходно звучащих слов» [2, с. 69].

В словаре-справочнике лингвистических терминов Д.Э. Розенталь трактует каламбур как фигуру речи, состоящую в юмористическом использовании многозначности слова или звукового сходства различных слов [5, с. 141].

В.З. Санников провёл исследование в области языковой игры, которое описал в своей книге под названием «Русский язык в зеркале языковой игры». Языковая игра рассматривается автором как один из видов лингвистического эксперимента, который способен направить учёного на глубокие раздумья о работе и значимости разноуровневых языковых единиц. Автор книги пишет: «Языковая игра – это некоторая неправильность (или необычность), осознаваемая и намеренно допускаемая говорящим. И за этой оценкой довольно отчётливо прослеживается представление говорящих о норме, об общих принципах устройства языка и об отступлениях от этих принципов, о «странностях» языка» [6, с. 454]. Также он отмечает, что «языковая игра позволяет чётче определить норму и отметить многие особенности русского языка, которые могли бы остаться незамеченными» [6, с. 13]. Тем не менее В.З. Санников считает, что отступление от нормы должно намеренно выполняться говорящим или пишущим и чётко осознаваться исполнителем языковой игры. В то же время задача слушающего или говорящего будет заключаться в осознании сказанного не как ошибки, а попытки включиться в игру и понять первоначальную задумку автора. Таким образом, В.З. Санников под языковой игрой понимает намеренное использование тропов и других фигуральных возможностей языка.

Проанализировав существующие в лингвистической научной литературе различные толкования термина «каламбур», мы пришли к выводу, что он понимается учеными как вид игры слов, языковая шутка, лингвистический эксперимент, намеренное использование тропов и других фигуральных возможностей языка.

Учёные-лингвисты выделили несколько классификаций каламбуров. Они представлены в трудах С.И. Влахова и С.П. Флорина, В.З. Санникова, Л. Райнерс, А.А Щербины, А.П. Сквородникова, А.М. Люксембург и Г.Ф. Рахимкуловой. В своих работах ученые рассматривают каламбуры, построенные на полисемии, омонимах, омоформах, т.е. с семантической стороны, а также с фонетической стороны (омофоны). В каждой из представленных классификаций отличие заключается только в большей или меньшей детализации описания каламбуров.

В своей работе «Непереводимое в переводе» С.И. Влахов и С.П. Флорин рассматривают каламбур на фонетическом, лексическом и фразеологическом уровнях. По мнению учёных, для фонетического уровня характерно значительное преобладание звуковой формы над содержанием. Иногда это так сильно проявляется, что этот уровень ставится под сомнение. В связи с этим С.И. Влахов и С.П. Флорин останавливаются только на лексических и фразеологических каламбурах.

К лексическим каламбурам они относят типы игры слов, основанные:

- 1) на обыгрывании целых слов или частей:
 - а) корней и аффиксов;
 - б) «обломков» слов.
- 2) на многозначности или омонимии;
- 3) на ряде других лексических категорий – антонимии, этимологии и др.

Для фразеологических каламбуров характерно «обыгрывание отдельных компонентов устойчивых сочетаний» [4, с. 293]. Игра слов этого уровня имеет свой удельный вес. Помимо того, что их встречается абсолютное большинство, их высокое положение

обусловлено тем, что каламбур на фразеологических единицах зачастую не исключает участия лексических единиц.

В состав каламбуров на лексическом уровне входят обыгрывание многозначных слов, омонимов и антонимов. В некоторых случаях сюда можно включить каламбуры, основанные на терминах и именах собственных.

Учёный из Германии Л. Райнерс выделяет четыре разновидности каламбура:

- 1) каламбур, возникший из-за двусмысленности звучания одного слова;
- 2) каламбур, появившийся в связи с созвучием двух слов;
- 3) каламбур, основанный на его преобразовании, вследствие которого часть слова становится сходной с частью другого;
- 4) каламбур, созданный путём перевёртывания предложения [10, с.45].

В основе данной классификации лежат формальные признаки построения каламбура, поэтому она особенно близка к классификации, разработанной А.А. Щербиной, которая предлагает следующую схему:

- 1) многозначность слова (вместе с переносными значениями);
- 2) омонимия;
- 3) смежные общезыковые и контекстуальные явления (разрешение фразеологии, мнимая этимология, контаминация и созвучие) [6, с. 14].

Таким образом, можно сделать вывод, что единой общепринятой классификации каламбуров в лингвистической литературе не существует. По этой причине этот вопрос является одним из самых спорных в лингвистике.

Как и каждый стилистический приём, каламбур несёт определённую информацию. Информативная характеристика

каламбура представляет собой комплексное образование и возникает при некоторой схожести между словами или их значениями. Мы говорим об омонимии. В структуру каламбура входят как минимум две языковые единицы, обладающие цельной и особой семантической структурой, которая в определённой степени оказывает большое влияние на формирование содержания и понимания всего каламбура. Но нельзя не принять во внимание факт того, что каламбур зачастую является частью такого сложного образования, как текст, чьё содержание может внести обширные коррективы в его информационный объём [1, с. 267].

Суть каламбура состоит в объединении двух несовместимых значений в одной фонетической форме. Исходя из информативной характеристики, каламбуры могут быть основаны на полных омонимах, омофонах, устойчивых словосочетаниях, синонимах, многозначности и на объединении сложных языковых единиц. С этой стороны основной целью каламбура является создание комического и юмористического эффекта, благодаря которому текст становится уникальным. Касаясь контекстуальных характеристик, в каламбуре выделяют предметно-логический, экспрессивно-стилистический, ассоциативно-образный, функциональный, фоновый и социально-локальный компоненты [3, с. 280].

Таким образом, основные проблемы исследования и описания каламбуров в лингвистике связаны с отсутствием общепринятого определения данного термина и единой классификации, а также с выделением его контекстуальных и информативных характеристик. На наш взгляд, это связано с тем, что каламбур изучается с точки зрения различных направлений современной лингвистики, например, фразеологии, полисемии, этимологии, стилистики, лексикологии, фонетики и других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык [Текст] : учебник для вузов / И.В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – С. 384.
2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – С. 571.
3. Виноградов, В. В. Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. В. Виноградов. – М. : Гардарики, 1984. – С. 341.
4. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М. : Валент, 2009. – С. 360.
5. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова // Пособие для учителей. Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Просвещение», 1976. – С. 543.
6. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : Пилигрим-Пресс, 1999. – С. 454.
7. Щербина, А. А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбура) / А.А. Щербина. – Киев, 1958. – С. 68.
8. <https://lexicography.online/explanatory/dal/>
9. <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/>
10. Reiners, L. Stilkunst : Ein Lehrbuch deutscher Prosa / L. Reiners. – Munchen, 1950.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОМИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИИ ДЖЕРОМА К. ДЖЕРОМА «ТРОЕ В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ»

Матвейчик Е.И.

Белорусский государственный университет

Аннотация: в статье выявлены и описаны используемые формы и способы выражения комизма в произведении «Трое в лодке, не считая собаки», проанализированы их функции, приводятся соответствующие примеры.

Ключевые слова: юмористический, ирония, антитеза, вставная конструкция, повтор, экспрессия, сравнение, гипербола, перифраз.

Произведение «Трое в лодке, не считая собаки» можно назвать поистине особенным. Задача автора заключалась в том, чтобы донести послание о более глубокой человеческой природе, нежели мы привыкли ее представлять, и простом счастье. Благодаря использованию множества литературных подходов, выполнение задачи оказалось успешным. Можно смело утверждать, что преобладающим способом реализации комизма в произведении является добрая ирония. Здесь она для автора как средство для наблюдения и критики ряда человеческих пороков и слабостей, таких как лень, ложь и пьянство, как выражение отношения своего или своих товарищей, например, к работе, еде и постоянные жалобы на естественную уклончивость вещей в целом.

«I had walked into that reading-room a happy, healthy man. I crawled out a decrepit wreck»⁴ [Jeromy 1889, с. 3]. Антитеза, представленная в данном отрывке, выводит два состояния во временном промежутке. Первый отражает отличное физическое состояние героя до прихода в

⁴ «Я вступил в этот читальный зал счастливым, здоровым человеком. Я выполз оттуда жалкой развалиной» [Джером 1980, с.7].

библиотеку, второй – полную уверенность в наличии недугов после определенного временного периода пребывания в ней.

«In the present instance, going back to the liver-pill circular, I had the symptoms, beyond all mistake, the chief among them being a general disinclination to work of any kind»⁵ [Jeromy 1889, с.5]. Так как наш герой обычный человек своего времени, не имеющий ничего общего с профессией врача и его знаниями, постановка диагнозов, тем более серьезных, из его уст звучит не просто неправдоподобно, а по большей части наивно и по-детски. Здесь ирония заключается в описании симптома, который он выделил основополагающим, а именно *a general disinclination to work of any kind*. Таким образом, рассказчик пытается оправдать свою лень и нежелание совершать физический труд.

«Life is brief, and you [doctor] might pass away before I had finished»⁶ [Jeromy 1889, с.4]. Ироничность сказанного заключается в ситуативной гиперболизации, которую использовал герой для указания на непомерно большой список болячек, с которыми он пришел к врачу.

«George has a cousin, who is usually described in the charge-sheet as a medical student, so that he naturally has a somewhat family-physicianary way of putting things»⁷ [Jeromy 1889, с.6]. В этом микроконтексте нам представлен брат Джорджа, который по совместительству является учащимся медицинского учреждения, но в образованности и порядочности которого мы можем сомневаться, так как он постоянно попадает в полицейский участок. Синтаксическая конструкция одного

⁵ «В данном случае у меня были все признаки болезни печени (в этом нельзя было ошибиться), включая главный симптом: «апатия и непреодолимое отвращение ко всякого рода труду» [Джером 1980, с.8].

⁶ «Жизнь коротка, и ты можешь отойти в иной мир, прежде чем я окончу свою повесть» [Джером 1980, с.7].

⁷ «У Джорджа есть двоюродный брат, которого всякий раз, когда он попадает в полицейский участок, заносят в протокол как студента-медика, поэтому нет ничего удивительного, что на высказываниях Джорджа лежит печать семейной склонности к медицине» [Джером 1980, с.9].

предложения, в которой умещаются такие выражения, как *medical student* и *charge-sheet* с легкостью создает ироничность сказанного.

«...and he and the captain were the only two living souls on board who were not ill. Sometimes it was he and the second mate who were not ill; but it was generally he and one other man. If not he and another man, then it was he by himself»⁸ [Jeromy 1889, с.8]. Здесь местоимение *he* делает акцент на способности именно Джорджа устоять перед морской болезнью, не придавая значения другим людям (*the second mate* или *other man*), если таковые имелись. А если таковых не имелось, то все равно Джордж был представителем неодоленных морской болезнью. Бесконечные повторения местоимений и концентрация внимания на одной личности создает комизм ситуации. Здесь явно высмеивается излишнее себялюбие.

«It is a curious fact, but nobody ever is sea-sick — on land»⁹ [Jeromy 1889, с.8]. В данном фрагменте странным (*curious fact*) для Джорджа является факт абсолютной истины для читателя. Парадокс здесь выступает как главное реализующее средство комизма, так как он убеждает, и, конечно, развлекает, вне зависимости от истинности, которую он собой воплощает [Московский 1968, с. 63].

Отметим, что в произведении редко повторяются имена. Автор делает это намеренно, активно используя прямую речь для воссоздания реальной живой ситуативности: «For myself, I have discovered an excellent preventive against sea-sickness, in balancing myself»¹⁰ [Jeromy 1889, с.9]. В этом фрагменте также отражен рассмотренный нами выше мотив «I — George», и вставная

⁸ «...и только два человека на борту — он сам и капитан корабля — устояли против морской болезни. Иногда теми, кто устоял против морской болезни, оказывались он сам и второй помощник, но неизменно это был он сам и кто-то другой. Если же это были не он сам плюс кто-то другой, то это был он один» [Джером 1980, с.12].

⁹ «Странная вещь: людей, подверженных морской болезни, вообще не бывает... на суше» [Джером 1980, с.13].

¹⁰ «Что касается меня, то я нашел превосходное средство против морской болезни: нужно просто сохранять равновесие» [Джером 1980, с.13].

конструкция в начале предложения (*For myself*) служит именно для усиления его значимости.

Повтор – одно из мощных средств создания комического, так как с каждым новым повторением слово или выражение может приобретать иную выразительность и дополнительные значения [Походня 1989, с.61]. «I knew it was my liver that was out of order, because I had just been reading a patent liver-pill circular, in which were detailed the various symptoms by which a man could tell when his liver was out of order»¹¹ [Jeromy 1889, p.2]. Здесь повтор одного и того же выражения *liver was out of order* в первой и последней части одного предложения, а также тройственное употребление *liver* гиперболизируют значимость произносимого.

«George, who would not be able to get away from the City till the afternoon (George goes to sleep at a bank from ten to four each day, except Saturdays, when they wake him up and put him outside at two), would meet us there»¹² [Jeromy 1889, p.10]. Здесь ирония заключается в официально-деловом стиле описания «служебных обязанностей» Джорджа, которые представляют собой сон в банке с десяти до четырех каждый день. Уточнение *except Saturdays, when they wake him up and put him outside at two* усиливает комический эффект сказанного в первой части. Можно утверждать, что план содержания не соответствует плану выражения, что само по себе является комичным.

Используя прием аллегории, автор говорит о *poor little craft mast-high*. Он иронично описывает жизнь любого человека, наполненную и скорее заполненную нужными лишь на первый взгляд (*useless*) вещами: «...clothes and big houses, useless servants, and a host of swell

¹¹ «Я знал, что у меня не в порядке именно печень, потому что на днях прочел рекламу патентованных пилюль от болезни печени, где перечислялись признаки, по которым человек может определить, что у него не в порядке печень» [Джером 1980, с.5].

¹² «Джордж, которого служебные обязанности удерживали в Сити до середины дня (Джордж спит в каком-то банке с десяти до четырех каждый день, кроме субботы – когда его будят и выставляют за дверь уже в два часа)» [Джером 1980, с.15].

friends with expensive entertainments that nobody enjoys, with formalities and fashions»¹³ [Jeromy 1889, p.18]. Аллегория *boat of life* создает портрет жизни человека с последующим совмещением высокого духовного («...pack only what you need — one or two friends, someone to love and someone to love you, a cat, a dog, and a pipe or two...»¹⁴ [Jeromy 1889, p.19]) и физического обыденного («...enough to eat and enough to wear, and a little more than enough to drink; for thirst is a dangerous thing»¹⁵ [Jeromy 1889, p.19]).

«Rainwater is the chief article of diet at supper»¹⁶ [Jeromy 1889, p.13]. Официальный тон сказанного создает намёк на притворство, подражание и придает ему легкий комический эффект. «The bread is two-thirds rainwater, the beefsteak-pie is exceedingly rich in it, and the jam, and the butter, and the salt, and the coffee have all combined with it to make soup»¹⁷ [Jeromy 1889, p.13]. Гиперболизация последующих повторений, каждое из которых лишь усиливает эффект предыдущего, наполняет значением и качественно впечатляет.

«To look at Montmorency you would imagine that he was an angel sent upon the earth, for some reason withheld from mankind, in the shape of a small fox-terrier»¹⁸ [Jeromy 1889, p.14]. С помощью такой синтактико-семантической фигуры, как перифраз, Монморанси наделяется признаком *an angel sent upon the earth*, по-другому, описательным многословным выражением. Перифраз описывает наиболее характерные для героя признаки, усиливая изобразительность речи.

¹³ «...нарядное платье и огромные дома, бесполезные слуги и толпы светских знакомых, пышные приемы с их смертной тоской; предрассудки и моды...» [Джером 1980, с.25].

¹⁴ «...возьми в нее только самое необходимое: уютное жилище и скромные радости; ту, которая тебя любит и которая тебе дороже всех; двух-трех друзей, достойных называться друзьями; кошку и собаку; одну-две трубки...» [Джером 1980, с.25].

¹⁵ «вдоволь еды и вдоволь одежды и немножко больше, чем вдоволь, питья, ибо жажда — страшная вещь».

¹⁶ «В меню вашего ужина основным блюдом является дождевая вода» [Джером 1980, с.25].

¹⁷ «Хлеб состоит из нее на две трети, мясной пирог насыщен ею до отказа; что же касается варенья, масла, соли и кофе, то они, перемешавшись с дождевой водой, очевидно вознамерились создать какой-то невиданный суп» [Джером 1980, с.18].

¹⁸ «Посмотреть на Монморанси, так он просто ангел во плоти, по каким-то причинам, оставшимся тайной для человечества, принявший образ маленького фокстерьера» [Джером 1980, с.19].

Проанализировав средства лексического и синтаксического уровней, становится очевидным, что первые использовались намного чаще при создании комического в произведении. В произведении часто используется прием персонификации, что свойственно такому роду художественных произведений, так как он приближает неживое к живому, а именно упрощает процесс понимания. Антропоморфный характер придает отвлеченный стиль описываемому, упрощает это описание, отдаляет его от научности, в некоторой степени мистифицирует. Создаваемые сравнениями ассоциации с персонажами, предметами, явлениями подчеркивают несуразность, а порой даже и абсурдность. Гротеск и хиазм в произведении едва ли можно найти, так как Джером К. Джером всегда выступал за шутку в ее доброй форме.

Что касается синтаксического уровня средств создания комического, то они занимают лишь третью часть от всех реализованных в произведении средств. Вставные конструкции являются преобладающим приемом синтаксического уровня. В отдельности вставная конструкция может быть непонятна, или не до конца понятна читателю, выражаемый ею первоначальный смысл может быть и вовсе не реализован. Такие конструкции носят пояснительный, уточняющий характер, именно поэтому их наличие важно в самом тексте, в самом предложении, в самом отрезке высказывания. Многочисленные повторы наполняют текст эмоциональной выразительностью, концентрируют внимание на чем-то определенном, конкретном, что вскоре полностью занимает ум читателя. Расположившаяся на третьем месте антитеза подчеркивает некую амбивалентность, частичную противопоставленность чего-то целого.

Таким образом, в произведении использованы характерные для английского юмора лексические и синтаксические средства

реализации комического, использование которых позволяет автору сделать повесть насыщенной, образной и детально яркой на всех уровнях языка. Произведению «Трое в лодке, не считая собаки» Дж. К. Джерома свойственно проявление комического как на уровне сюжета и сюжетообразующих структур, так и на уровне словосочетания. Стоит отметить, что на уровне словосочетания это проявляется все же в меньшей степени. Отличительной чертой этого произведения является также взаимодействие и взаимопроникновение художественного и публицистического элементов, что и становится важным средством создания комизма, являющегося главенствующим фактором текстопостроения юмористического произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jeremy K. Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog) / К. Джером. – Bristol: Penguin Classics, 1889. – 149 p.
2. Джером. К. Дж. Трое в лодке, не считая собаки / К. Дж Джером. – М.: АСТ, Астрель, ВКТ, 2011. – 384 с.
3. Московский А.Д. О природе комического / А.Д. Московский – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1968. – 96 с.
4. Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии / С.И. Походня. – Киев: Наукова думка, 1989. – 128 с.

К ВОПРОСУ О ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ НОРМЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА

Мельникова Л.С.

Белорусский государственный университет

Аннотация: статья посвящена проблеме использования стандартного произношения в итальянском языке.

Ключевые слова: итальянский язык, произносительная норма, региональные варианты произношения.

По определению О.С. Ахмановой, норма – это «принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентации), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида» [1, 270]. В соответствии с русской традицией, стандартный язык, по мнению исследовательницы, – это то же самое, что и язык литературный, общелитературный, нормализованный, стандартный, правильный, соответствующий нормам образцового языка [1].

В итальянском языке также существует много терминов и дефиниций, раскрывающих понятие нормы: *l'italiano standard, lo standard, la lingua della norma letteraria, la normatività, lingua comune* и др. Следует отметить, что английский термин *standard* был заимствован и автоматически усвоен итальянским языком, так как изначально понятие стандарта в нем не существовало. Приведем определение итальянского лингвиста М. Дардано: «Si dice standard una lingua che si è livellata in modo artificiale in seguito ai contatti con altre varietà e all'azione normalizzatrice imposta soprattutto dal potere politico. In un primo momento e ai livelli alti della lingua, lo standard può essere promosso da ragioni culturali, come è accaduto in Italia, dove la

lingua dei grandi scrittori del Trecento è stata proclamata da Pietro Bembo lingua della norma litteraria» [3, 201] ‘Стандарт – это язык, который нивелировался искусственным образом в результате контактов с другими вариантами языка и благодаря нормализующей деятельности, осуществляемой политической властью. Первоначально стандартизация происходит в языке высших слоев общества, и, по всей вероятности, ее продвижению способствует влияние культуры, как это произошло в Италии, где язык великих писателей периода Треченто был провозглашен Пьетро Бэмбо литературной нормой’ (перевод наш – Л.М.).

В вопросе об *italiano standard* важное место отведено произносительной норме, а точнее, отступлениям от этой нормы, которых достаточно много, так как связаны они в основном с региональными вариантами произношения. Характерные варианты черты итальянского произношения заслуживают отдельного внимания, поэтому они не затрагиваются в рамках предлагаемой статьи, которая ограничивается описанием некоторых положений о статусе произносительной нормы в современном итальянском языке и о некоторых проблемах, «поджидающих» тех, кто изучает итальянский язык, пренебрегая постановкой стандартного произношения.

Многие итальянские лингвисты считают, что произношение *italiano standard* используется исключительно редко и по-настоящему им владеют лишь представители определенных профессий (дикторы, актеры, актеры дубляжа), поэтому само понятие «стандартное произношение» требует разъяснения (см., например, [2], [3], [4]). Произносительная норма итальянского языка (которую некоторые предпочитают называть «нейтральной» – *italiano neutro*), отождествляется, главным образом, с флорентийским произношением высокообразованных людей, очищенным от некоторых слишком

ярких местных произносительных характеристик (так наз. *fiorentino emendato* ‘флорентийский исправленный’). Однако в последние годы все чаще можно услышать от самих носителей языка, что для них образцовым является римское произношение; такое утверждение вполне объяснимо, поскольку именно в Риме находятся студии радио и телевидения и абсолютное большинство дикторов и журналистов говорят именно с римским акцентом.

Следует отметить, что если в письменных текстах средней или высокой степени формальности все образованные итальянцы могут использовать литературный язык, то далеко не все они умеют пользоваться нормированным произношением. По мнению Клаудио Джованарди, это объясняется тем, что в школе внимание учителей полностью сконцентрировано на обучении правильному написанию и выработке красивого почерка и гораздо меньше на умении детей правильно произносить слова и словосочетания, грамотно интонировать. Кроме того, очень часто учителя сами являются носителями ярких характеристик регионального произношения [4, 16]. Конечно, региональные особенности в произношении есть у всех италоговорящих, более того, эти особенности практически сразу выдают, как минимум, северное, тосканское, римское или южное происхождение носителя языка. Слушая чью-то речь, в большинстве случаев сразу можно понять как по способу произнесения звуков, так и по особой интонации (или акценту), которая различается от региона к региону, откуда родом говорящий. Тот, кто использует *italiano standard*, наоборот, не дает раскрыть свое географическое происхождение. По мнению К. Джованарди, практически никто не владеет правильным произношением от рождения, независимо от региональной и социальной принадлежности, следовательно, его обязательно нужно изучать в течение определенного времени, необходимого для овладения произносительной нормой.

Согласно Л. Канепари, произношение, как и все другие аспекты языка, претерпевает изменения с течением времени и часто касается места ударения, особенно в словах научного происхождения, для которых трудно исключить один из двух вариантов произношения. По мнению ученого, образцовым произношением владеют три различных категории итальянского социума:

- люди высокой культуры, которые грамотно расставляют ударение в словах;
- актеры и профессиональные актеры дубляжа, правильно произносящие фонемы и умеющие грамотно интонировать;
- итальянцы центральной Италии, которые делают выбор в пользу правильного произношения определенных фонем [2, 21].

Различаются разные типы произношения: *традиционное* произношение, которое передается в учебниках (оно основано на флорентийском), и *современное* произношение, менее обусловленное флорентийской моделью, чем в прошлом, что признают даже профессионалы в области речи [2].

Таким образом, изучающим итальянский язык априори следует иметь в виду, что сами итальянцы могут иметь различное (и не всегда правильное) произношение. Несмотря на то, что в наше время они все меньше используют диалект и говорят в основном по-итальянски, особенности произношения зачастую «выдают» происхождение говорящего. Правильность произношения зависит не только от происхождения, но и от социального, образовательного и культурного уровня говорящего. Необходимо помнить, что, имитируя речь итальянских родственников, друзей и знакомых, мы рискуем приобрести региональные особенности их произношения, поэтому необходимо больше слушать радио и телепередачи на итальянском языке, чтобы сравнивать произносительную норму с

региональными вариантами и стараться совершенствовать свой *italiano standard*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С., Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. – 571 с.
2. Canepari L., Manuale di pronuncia italiana, Bologna, Zanichelli 2000.
3. Dardano M., Manualetto di linguistica italiana. Bologna, Zanichelli, 2005. – 334 p.
4. Giovanardi C. Fonetica e fonologia, pronuncia standard e pronunce regionali: grafemi e interpunzione, Università di Roma, Italian Culture on the Net. – 34 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://italiansky.narod.ru/download/fonetica.pdf> – Дата доступа: 16.11.21.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБРАЩЕНИЙ

Миронова Е.О.

Белорусский национальный технический университет

Аннотация. В данной статье исследуется частеречная принадлежность обращений. На основе анализа литературы по этой теме и анализа немецких художественных фильмов были выявлены основные части речи, которые являются обращением, их формы и их частотность. Также были проанализированы грамматические формы отдельных частей речи и особенности наименования адресата.

Ключевые слова: обращение; частеречная принадлежность; существительное; местоимение; имя собственное; частотность.

Для изучения морфологического аспекта обращений были проанализированы работы различных лингвистов, например: классификация английского обращения Панкратовой М.В. с точки зрения морфологических характеристик, классификация Карасика В.И., в которой описывается, какие части речи относятся к стандартным и нестандартным вокативам, точка зрения Д.Э.Розенталь и М.А. Теленковой на частеречную принадлежность обращения и т.д. Благодаря проведённому анализу литературы по данной теме можно сделать вывод, что в большинстве языков формы обращения выражаются в основном тремя классами слов: местоимением, глаголом и существительным (сюда относятся и субстантивированные прилагательные или эквивалентные им словосочетания для названия лиц или предметов, дополненными синтаксически зависимыми словами; причастия, а также значительно реже в роли обращений могут выступать и числительные). Наиболее употребим и многообразен класс существительных, которому характерна такая форма, как звательный падеж – особая форма имени (чаще всего

существительного), используемая для идентификации объекта, к которому ведётся обращение. Название этой формы «падежом» условно, т. к. в строго грамматическом смысле звательная форма падежом не является. [1, с. 62] «Представляется достоверным, что звательный падеж стоит особняком в падежной системе и, скорее, отстоит от нее. Прагматическая нагрузка обращения способствует его семантической и синтаксической изолированности от остальных членов падежной системы. Дело в том, что в падежной парадигме каждая из форм, отражая определенные семантические отношения (объектности, орудийности, партитивности и т.д.), служит для скрепления слова с другими словами в предложении, для введения его в синтаксическую связь одним из принятых в языке способов. Звательная же форма, напротив, не организует никакой связи с другими словами в предложении, она как бы отделяет обращение от текста, придавая обращению своеобразный самостоятельный статус. Поэтому звательную форму, на наш взгляд, нельзя считать падежом» [2, с. 16]

Среди существительных обращения могут выражать:

1. Имена собственные. Самым употребительным средством при выражении обращений являются антропонимы, которые в немецком языке состоят из имени и фамилии, а также могут состоять из двух личных (или индивидуального и среднего имени) и фамилии или только фамилии, добавляя перед ней слова *Frau/Herr*. Примеры соответственно: [3, с. 42]

1) *Paul Müller, erscheine!* ‘Пауль Мюллер, покажитесь!’

2) *Ilse Marie!* ‘Ильза Мария!’

3) *Herr Lohkamp!* ‘Господин Локамп!’

2. Имена нарицательные. Среди имён нарицательных выделяют:

1)Прозвища – «имена, употребляемые с целью уточнения, идентификации лица, данные человеку по какой-либо его характерной черте, свойству» [4, с. 274]: *Dicker* ‘Толстяк’; *Süße* ‘Милая’

2)Термины родства: *Großvater, kannst du mir sagen, wo hier ein Stab ist?* ‘Дедушка, ты можешь мне сказать, где здесь палка?’; *Aber, Vater ... sagte sie* ‘Но папа ... - сказала она’

3)Употребляющиеся с названиями профессий формы обращения *Herr/Frau* (могут иногда употребляться самостоятельно): *Herr Ober!* ‘Официант!’

4)Титулы: *Eure Majestät* ‘Ваше Величество’; *Herr Richter* ‘Ваша честь’

5)Существительные, передающие определённый вид отношений, например, дружеские: *Kumpel!* ‘Притель!’

6)Ласкательные термины: *Anni, mein Schatz* ‘Анни, моя дорогая’

3. Субстантивированные прилагательные: *Der Kranke, kommen Sie in Ihr Krankenzimmer zurück!* ‘Больной, идите обратно в Вашу палату!’

4. Субстантивированные причастия: *Abfahrende, nehmen Sie bitte Ihre Plätze!* ‘Уезжающие, займите, пожалуйста, Ваши места!’

5. Субстантивированные числительные: *Sehr gut, der Sechste!* (номер игрока в команде) ‘Очень хорошо, шестой!’

Далее приведён пример местоимения в качестве обращения: *Und ihr, kommt mal her!* ‘И вы, идите-ка сюда!’

Из класса глаголов в качестве обращений употребляются глагольные формы, зачастую в тех случаях, когда адресат не знаком говорящему. Если рассматривать более точно, то в виде повелительных форм или вопросительных глагольных конструкций [5, с. 47]:

Kommen Sie bitte schneller! ‘Идите, пожалуйста, быстрее!’

Kommt nach vorne! ‘Идите вперёд!’

Как отдельный случай можно рассматривать употребление междометий в качестве обращений. Они употребляются в ситуациях, когда собеседники незнакомы: [6, С. 39]

Eh, pass auf und nimm die Finger weg! 'Эй, будь внимательней и убери руки!'

ЛИТЕРАТУРА

1. Баракова М. Г. Лингвистическая природа и прагмакогнитивные функции обращения (На материале современной англоязычной художественной прозы): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. Г. Баракова. – Москва, 2005. – 181 л.

2. Гольдин, В. Е. Обращение: теоретические проблемы / В. Е. Гольдин. – Саратов : М.: Либроком, 1987. – 134 с.

3. Сейтжанов Ж. Е. О статусе, формах и функциях обращения / Ж. Е. Сейтжанов // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 66. Филология. Искусствоведение. 2012. – № 17. – С. 117–119.

4. Ожегов, С. И. и Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.

5. Минина, О. Г. Обращение в современном английском языке. Коммуникативно-прагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. Г. Минина ; Белгородский гос. ун-т. – Белгород, 2000. – 15 с.

6. Панкратова М. В. Формальные и функциональные характеристики речевых единиц обращения: лингвистическая интерпретация примеров языкового материала / М. В. Панкратова // Вестник ИГЭУ. Социально-гуманитарные исследования. – 2008. – №1. – С. 88–92.

7. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Институт языкознания РАН, 2004. – 330 с.

8. Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – М.: Айрис-пресс, Рольф, 2000. – 444 с.

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ И СПОСОБЫ ИХ СОЗДАНИЯ

Рудинская А. Г.

Белорусский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена всегда актуальной проблеме языковых новообразований – непрерывно возникающие в речи окказионализмы нуждаются в фиксации и разностороннем осмыслении. Объектом исследования являются лексические окказионализмы, предметом – особенности окказионализмов и способы их образования. В статье рассматриваются различные подходы к интерпретации и классификации окказионализмов, к оценке их функционального разнообразия и причин возникновения. Цель данного исследования – проанализировать отечественные и зарубежные лингвистические концепции окказиональной лексики и вывести путем их обобщения собственное новое определение окказионализма. Теоретическое и практическое значение исследования заключается в систематизации языковых свойств окказионализма, углублении научных представлений о лексических новообразованиях в языке, а также в возможности использования предложенного в статье определения в научных работах разного уровня.

Ключевые слова: окказиональная лексика; признаки окказионализмов; типология окказионализмов; функции окказионализмов; причины использования окказионализмов; способы образования окказионализмов.

Явление окказиональности вызывает особый интерес у лингвистов. Данный языковой феномен в разное время изучали многие отечественные и зарубежные исследователи: Н. Г. Бабенко, Е. А. Земская, П. Хюенхаус и др. [1, 2, 16]. Однако в современной лингвистике нет единой трактовки окказионализма и его признаков, которой бы придерживались абсолютно все исследователи.

Е. А. Земская выделяет два признака окказиональных единиц: наличие индивидуально-авторского характера и тесной связи с контекстом, породившим окказионализмы. Языковед отмечает, что

окказионализмы – явление речи, а не самого языка [2, с. 239]. А. Г. Лыков называет девять признаков окказионализмов: принадлежность к речи, словообразовательная производность, творимость, ненормативность, функциональная одноразовость, индивидуальная принадлежность, экспрессивность, номинативная факультативность и синхронно-диахронная диффузность [6, с. 48-66].

В зарубежной лингвистике распространено широкое понимание окказионализмов. Л. Бауэр и Д. Кристал и П. Хюенхаус относят к окказиональной лексике все новообразования, зависящие от контекста и не входящие в норму языка [11, 12, 16]. П. Хюенхаус утверждает, что окказиональная лексика занимает промежуточную позицию между потенциальными и каноническими словами, а также называет окказионализмы первым этапом «жизни» новых слов [16, р. 364-367]. При этом их существование недолговечно, поскольку окказионализмы зачастую используются только один раз с целью заполнения пропуска в лексике, после чего исчезают [15, р. 112].

По отношению к рассматриваемому языковому феномену используются также различные терминологические обозначения: «индивидуальные слова», «авторские (индивидуальные) неологизмы», «стилистические (индивидуально-стилистические) неологизмы», «неологизмы контекста», «одноразовые неологизмы», «литературные неологизмы», «слова-экспромты», «неологизмы поэта» («поэтические неологизмы»), «слова-самоделки» и «слова-метеоры» [5, с. 64].

Существует несколько классификаций окказионализмов. Н. Г. Бабенко разработал структурную классификацию, в которой выделяет фонетические, лексические, грамматические, семантические окказионализмы и окказиональные сочетания слов [1, с. 10-14]. Е. А. Земская в основу своей типологии положила словообразовательный принцип и выделила 3 вида окказионализмов: окказионализмы, образованные с нарушением законов системной

продуктивности, окказионализмы, образованные по аналогии с непродуктивными моделями и окказионализмы, созданные по конкретному образцу [2, с. 240].

Функциональное разнообразие окказиональной лексики является наименее изученным в лингвистике вопросом. В. Дресслер утверждает, что в функциях заключается ключевое отличие окказионализмов от неологизмов: последние обогащают лексику, т.е. обладают постоянной функцией, в то время как стилистическую функцию окказионализмов В. Дресслер относит к временным функциям [13, р. 157].

Ю. Н. Пацула выделяет 12 функций окказиональных единиц: изобразительно-выразительная, характеризующая, номинативная, экспрессивная, обобщающая, прагматическая, стилеобразующая, речетворческая, маскировочная, эстетическая, функция создания комического эффекта, а также экономии времени и языковых средств [8, с. 19-21]. Согласно концепции П. Хюбнера, окказиональная лексика обладает двумя функциями: гипостатизация (т.е. приписывание реальности абстрактным понятиям или несуществующим вещам) и функция привлечения внимания [16, р. 356-359].

Окказионализмы чаще всего используются в художественных и публицистических текстах. Н. Г. Бабенко выделил следующие причины употребления окказиональных единиц в художественной литературе: стремление авторов точно выразить свою мысль, желание кратко выразить свою мысль, потребность подчеркнуть своё отношение к предмету речи и дать ему оценку, стремление автора деавтоматизировать восприятие слов, необходимость избежать тавтологии, а также сохранить ритм стихотворения или создать желаемую рифму [1, с. 5]. Р. Фишер утверждает, что окказиональная лексика может использоваться с целью создания необходимого автору

стилистического эффекта, а также заполнения лакун в языке [14, р. 5–6].

В публицистических текстах окказионализмы используются для установления более тесной связи с аудиторией, поскольку их новизна способствует снижению формальности текста, что упрощает понимание содержания [17, р. 162]. Важной причиной использования окказионализмов в языке прессы является потребность в экономии слов, при этом окказионализмы способствуют развитию смысловой ёмкости речи [9, с. 6].

Окказиональная лексика может создаваться и в разговорной речи: говорящий придумывает новое слово вместо забытого или незнакомого ему слова, а также создаёт слово с целью юмористического эффекта [16, р. 112].

В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер и В. И. Тархов выделяют следующие способы образования окказионализмов: добавление нового значения к уже существующему слову, образование формы слов по аналогии с уже имеющимися в языке словами, конверсия (т.е. переход слова из одной части речи в другую), сокращение сложного или уже существующего слова, а также образование с помощью продуктивных префиксов и суффиксов [4, с. 129–132].

В английском языке при образовании окказионализмов чаще всего используется приём аффиксации. В этом случае употребляются такие префиксы, как *de-*, *anti-*, *neo-*, а также суффиксы *-ness*, *-ish*, *-like*, *-ism* [7, с. 15].

Кроме того, распространённым способом образования окказионализмов является словотворчество. При этом используется не форма и семантика уже существующих слов, а свободная морфема в сочетании с бессмысленным словом: примером могут служить слова *flushbunkled* и *splitzwiggled*, созданные британским писателем Р. Далем с целью имитации речи великанов [18, р. 106–107].

Окказиональная лексика также может создаваться неосознанно, что характерно для детских окказионализмов: существительное *a norphan* вместо *an orphan* [18, p. 106].

Часто встречаются такие способы образования окказиональной лексики, как контаминация (окказионализм *disgusticulous*, образованный от слов *ridiculous* и *disgusting*), редупликация (окказионализм *a doctor doctor*, имеющее значение «самый настоящий врач»), редеривация (окказионализм *name-drop*, образованный от слова *name-dropping*), а также голофразис (окказионализм *He-who-must-not-be-named*, созданный Дж. Роулинг в Поттериане) [3, с. 7–8].

При образовании окказиональных словосочетаний используются литературные тропы и фигуры речи: метафорический перенос (*summer's pride* – гордость лета), метонимический перенос (*wondrous ear* – дивное ухо), эпитет (*ruby tears* – рубиновые слёзы), перифраз (*windows of the morning* – окна утра), оксюморон (*mortal birth* – смертельное рождение) [10, с. 15].

Таким образом, окказиональная лексика является интересным объектом для исследований. На основании проведенного анализа можно вывести собственное определение понятия «окказионализм»: окказионализм – специфическая экспрессивная авторская единица речи, тесно связанная с контекстом, способная сохранять новизну вне зависимости от времени создания, образованная по непродуктивной или малопродуктивной модели, сохраняющая аналогию с образованием канонических слов и чаще всего используемая в художественных и публицистических текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. Калининград : Калинингр. ун-т, 1997.

2. *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. Москва : Наука, 2011.

3. *Карпухина Т. П.* Способы образования окказиональных слов в одноморфемных текстовых цепочках в английской художественной прозе // Электронная научная библиотека «Киберленинка». 2006. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-obrazovaniya-okkazionalnyh-slov-v-odnomorfemnyh-tekstovyh-tsepochkah-v-angliyskoj-hudozhestvennoy-proze> (дата обращения: 3.03.2021).

4. *Комиссаров В. Н., Рецкер Я. И., Тархов В. И.* Лексико-фразеологические основы перевода. Москва : Изд-во иностранных языков, 1960.

5. *Лопатин В. В.* Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. Москва : Наука, 1973.

6. *Лыков А. Г.* Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). Москва : Наука, 1976.

7. *Несветайло Ю. Н.* Неологизмы и окказионализмы как конституенты лексического макрополя современного английского языка: системный и словообразовательный аспекты : автореф. дис. ...канд. филологич. наук. Ростов-на-Дону, 2010.

8. *Пацула Ю. Н.* Окказионализмы новейшего времени: структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты : автореф. дис. ...канд. филологич. наук. Ростов-на-Дону, 2005.

9. *Радченко М. В.* Причины и способы появления окказиональных слов в языке прессы // Электронная научная библиотека «Киберленинка». 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-sposoby-poyavleniya-okkazionalnyh-slov-v-yazyke-pressy> (дата обращения: 25.02.2021).

10. *Семёнова О. В.* Окказиональная синтагматика : автореф. дис. ...канд. филологич. наук. Петрозаводск, 2015.

11. *Bauer L.* English Word-formation. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
12. *Crystal D.* Investigating Nonceness: Lexical Innovation and Lexicographic Coverage. Lewisburg : Bucknell University Press, 2010.
13. *Dressler W. U.* New corpus-linguistic approaches to the investigation of poetic occasionalisms. Poznan : Poznan University Press, 2017.
14. *Fischer R.* Lexical change in present-day English. Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1998.
15. *Guz W.* Are nonce words really deviant, context-dependent, and unlexicalizable. Poznan : Poznan University Press, 2012.
16. *Hohenhaus P.* Lexicalization and Institutionalization. Nottingham : University of Nottingham, 2005.
17. *Mattiello E.* Analogy in Word-formation: A study of English neologisms and occasionalisms. Berlin : Berlin&Boston, 2017.
18. *Poix C.* Neology in children's literature: Typology of occasionalisms. Nottingham : University of Nottingham, 2007.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПАРЕМИЯХ О ЯЗЫКЕ И СОЗНАНИИ

Сабурова З.Н.

Белорусский государственный университет

Аннотация. Данная статья рассматривает семантическую организацию и средства выразительности метаязыковых английских и русских паремий. Раскрываются понятия картины мира и языковой картины мира.

Ключевые слова: картина мира, метафора, метаязыковые паремии, метонимия, сравнение, эллипсис, языковая картина мира.

Картина мира отражает то, как человек воспринимает действительность. Это понятие возникло в XIX веке, оно отражает взаимодействие человека с миром. Понятие «картина мира» изучается многими науками. Оно находит отражение и в лингвистике, и в философии, и в психологии, и в религии. Хотя в начале возникновения данного понятия речь шла только о научной картине мира и связь с другими формами общественного сознания практически не рассматривалась. Когда этим понятием вновь заинтересовались, картину мира стали связывать и с другими аспектами знаний человека.

В силу общности человеческого мышления взгляд человека на мир является универсальным. Но представители различных языков и культур видят мир по-разному из-за национальных особенностей. Поэтому в современной лингвистике наряду с картиной мира существует понятие языковой картины мира или ЯКМ. Языковая картина мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта, а также к теории языковой относительности Э. Сепира и Б. Уорфа. Ключевым понятием в ЯКМ является язык. Он представлен во всех сферах существования человека и является его неотъемлемой частью. Именно

посредством языка происходит формирование представления людей о мире, ведь это один из первых источников знаний для человека.

Важное внимание стоит уделить поэтике пословиц и поговорок. Средства выразительности используются в паремиях для более яркого выражения их содержания. Одним из самых частых является такой троп как метафора.

«Метафора – это слово или выражение, которое употребляется в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов либо явлений» [Розенталь, 2001, 357]. Метафора позволяет одновременно указывать и на основной, и на вспомогательный субъект, обладая двупланностью.

В паремиях метафора позволяет выразить обобщенное значение: *A barking dog never bites* ‘Лающая собака никогда не кусается’; *Fine words butter no parsnip* ‘Хорошие слова – масло без пастернака’; *Hard words break no bones* ‘Жесткие слова не ломают кости’.

Метафора так же может быть уничтожительная: *Empty vessels make the most sound* ‘Пустые сосуды самые громкие’.

Нередко в паремиях встречается метафора, которая придает словам, разговорам качества и свойства конкретных предметов: *Words cut more than swords* ‘Слова ранят больше, чем мечи’; *The tongue is not steel, yet it cuts* ‘Язык не сталь, но все равно режет’; *Hard words break no bones* ‘Жесткие слова не ломают кости’. Тем самым в данных паремиях *words* и *silence* обретают предметность. Определенное может осуществляться с помощью глаголов, как происходит в примерах выше. Но иногда для этого используются имена прилагательные, например, *Silence is golden* ‘Молчание золотое’; *Speech is silver, silence is golden* ‘Речь – серебряная, молчание – золотое’.

Сравнение как средство выразительности также довольно часто встречается, особенно в русских паремиях. «Сравнение – это

сопоставление двух явлений с тем, чтобы пояснить одно из них с помощью другого» [Розенталь, 2001, 356]. Яркое, наглядное сравнение позволяет наиболее точно понять смысл поговорки и придает описываемому образу запоминаемость.

Сравнения часто вводятся с помощью сравнительных союзов: как, а: *У него не язык, а бритва; Нем как рыба; Зверей укрощают силой, а людей – словом; Слово не пуля, а ранит.*

Данный прием также может быть не явным, тогда сравнение понятно из смысла пословицы и поговорки, а не вводится специальными союзами: *Вощина – не соты, болтовня – не толк; Слово не воробей, вылетит – не поймаешь; Брехать – не пахать, спина не болит.*

Сравнение часто используется для указания на силу слова. Слово сравнивается с пулей, со штыком, с бритвой: *У него не язык, а бритва; Слово не пуля, а ранит; Слово ранит сильнее штыка.*

При помощи сравнения в поговорке выделяются определенные качества описываемого объекта.

«Метонимия – это слово или выражение, которое употребляется в переносном значении на основе внешней или внутренней связи между двумя предметами либо явлениями» [Розенталь, 2001, 358]. Перенос значения в метонимии осуществляется на основании реальных связей между описываемыми объектами.

Примерами образных поговорок, основанных на метонимии, могут служить такие пословицы и поговорки как: *A barking dog never bites* ‘Лающая собака никогда не кусается’; *Children and fools tell the truth* ‘Дети и дураки говорят правду’; *Call a spade a spade* ‘Зови лопату лопатой’; *The tongue is not still, yet it cuts* ‘Язык не сталь, но все равно режет’.

Метонимия в поговорках позволяет кратко и ёмко выразить необходимый смысл.

«Эллипсис – это стилистическая фигура, заключающаяся в пропуске какого-либо подразумеваемого члена предложения» [Розенталь, 2001, 363]. Эллипсис придает паремиям динамичность и художественную выразительность.

Эллипсис заключается в пропуске какого-либо члена предложения. Это делать пословицы и поговорки короче, чем они могли бы быть, что придает им характерную для живой речи быстроту и краткость.

Зачастую эллипсис используется вместе с параллелизмом, что позволяет резко отделить одно понятие от другого: *Вощина – не соты, болтовня – не толк; Сказано – сделано; Слово – серебро, молчание – золото; Язык мой – враг мой.*

Иногда эллипсис так сокращает предложение, что сложно распутать начальную форму паремии, например, *Меньше говори – больше делай.*

Таким образом, самыми распространенными средствами выразительности в паремиях о языке и сознании являются метафора, сравнение, метонимия эллипсис в сочетании с параллелизмом. Такие тропы, как олицетворение, рифма, эллипсис, металепсис, гипербола, оксюморон в метаязыковых пословицах и поговорках встречаются реже, но также являются важными для формирования выразительности и запоминания изучаемых выражений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю. Д. Новый большой англо-русский словарь : в 3 т. / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова. – М.: Русский язык, 1993 - 1994.
2. Дубровин, М. Иллюстрированный сборник идиом на пяти языках / М. Дубровин. – М. : РОСМЭН, 1997. – 223 с.
3. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 7-е изд. – М. : Русский язык, 2000. – 544 с.

4. Simpson, J. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs / J. Simpson, J. Speake. – Third edition. – Oxford, 1998. – 333 p.

5. Алексеева А. В. «Картина мира» и «языковая картина мира»: к вопросу понятий / А. В. Алексеева // Проблемы изучения и преподавания русского языка в РФ и за рубежом. – 2018. – С. 110 - 115.

6. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов – М.: Флинта, 2009. – 344 с.

7. Мечковская, Н. Б. Два взгляда на правду и ложь, или о различиях между языковой картиной мира и обыденным сознанием // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / Отв. Ред. Н. Д. Арутюнова, М.: Индрик, 2008. – С. 456-470.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Савастюк М.Л.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье вводится понятие «лексические миграционные процессы», выделяются его типы (глобальные (межъязыковые) и локальные (внутриязыковые, внутрисистемные)), представлены примеры рассматриваемых процессов.

Ключевые слова. Англицизмы, заимствование, лексические миграции, лексические процессы, лексико-коммуникативные группы слов.

Язык является носителем информации о жизни общества и ее отражением. Следуя в своем развитии за социумом, язык претерпевает трансформации на всех уровнях: фонетическом, грамматическом, лексическом, синтаксическом. Лексический пласт, являясь одной из самых проницаемых структур языка, оперативно реагирует на различные изменения в общественной жизни не только отдельных стран и этнических групп, но и земной цивилизации в целом.

В конце XX – начале XXI века активизируется взаимодействие народов мира, происходит интеграция различных сфер науки и техники, социальных структур, в связи с чем растет актуальность миграционных процессов не только на уровне социальном, но и языковом.

Предлагаем выделить два основных типа лексических миграционных процессов:

1. **глобальный (межъязыковой).** Имеется в виду иноязычное лексическое заимствование как способ расширения и обновления лексического состава языка, благодаря которому в языке-реципиенте возникают целые группы новых слов, не представленных до этого по

разным причинам. Заимствование как правило мотивировано потребностями общества и зависит от интенсивности экономических и культурных процессов.

Следует отметить современную тенденцию к быстрой миграции некоторых англоязычных лексических новообразований и актуализированной лексики в языки мира и, в частности, в белорусский язык. В качестве примера рассмотрим термин *Brexit* (*брэксіт*) (ад Britain = Брытанія + exit = выход) – выход Объединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии из состава Европейского союза. В англоязычном публицистическом дискурсе впервые термин был использован политиком Питером Вайлдингом в статье от 15 мая 2012 года («Stumbling towards the Brexit») в блоге медиа-ресурса EURACTIV [5]. В декабре 2016 года это слово получило научное объяснение и было включено в «Оксфордский словарь английского языка» (Oxford English Dictionary) [4]. Очень быстро термин стал интернационализмом. Синхронно англицизм мигрирует в белорусский язык и начинает активно использоваться в публицистическом дискурсе: *Дык ці адбудзецца той самы «брэксіт» і чым ён такі непрыемны для Старога Свету? (Звязда, 01.03.2016); І дэцэнтралізацыя гэта настолькі ж моцна ўздзейнічае на палітыку, эканоміку: дастаткова згадаць толькі брытанскі «брэксіт» (Культура, 25.03.2017); Раней было вядома, што Лондан збіраўся пакінуць Еўрасаюз роўна праз два гады пасля запуску Brexit (Звязда, 11.11.2017) [2, с.132].*

2. локальный. Этот тип связан с взаимодействием, во-первых, лексических систем вариантов или диалектов одного языка (**внутриязыковые миграции**), во-вторых, лексико-коммуникативных групп конкретного языка (**внутрисистемные миграции**).

Рассуждая о лексических миграционных процессах в рамках вариантов одного языка, обратимся к британскому и американскому

вариантам английского языка, которые со временем приобрели ряд отличий на всех языковых уровнях. В XXI веке влияние американского английского постепенно занимает преобладающие позиции. Интенсивность заимствования и активизация употребления американизмов в британском английском языке возрастает. К. Хьюитт в книге «Понять современную Британию» («Understanding Britain Today») отмечает, что современная британская молодежь в значительной степени погружена в американскую культуру (музыку, телевидение, кинематограф, Интернет). Это становится причиной миграции сленга и речевых клише из американского английского в британский [3]. Например, в британском английском все чаще используется *rookie* (амер.) вместо *newcomer* (англ. новичок), *elevator* (амер.) вместо *lift* (англ. лифт), *wrench* (амер.) вместо *spanner* (англ. гаечный ключ) и т.д. [1].

В качестве примера внутрисистемных миграций рассмотрим лексические процессы, связанные с развитием информационных технологий и их влиянием на различные сферы жизни общества. Так, значительные изменения под воздействием ИТ в XXI веке претерпели средства массовой информации, что вызвало существенное расширение лексического корпуса данной сферы. Англицизмы-неологизмы, которые до недавнего времени относились к сфере информационных технологий, мигрировали в лексико-коммуникативную группу сферы средств массовой информации и теперь в значительно большей степени концептуально связаны с ней. Например, в белорусском языке: *арт-блог*, *байнэт*, *бізнес-партал*, *блог*, *блогавы*, *блогер*, *блогерка*, *блогерша*, *блогінг*, *бьюці-блогер*, *відэаблог*, *відэаблогер*, *відэакантэнт*, *вікі*, *вікіпедыя*, *влог*, *вэб-райтар*, *вэб-рыдар*, *вэб-сайт*, *вэб-серыял*, *гугл*, *інстаграм*, *інстаграм-*, *інстаграм-акаўнт*, *інстаграмны*, *інтэрнэт-блог*, *інтэрнэт-партал*, *інтэнэт-сайт*, *мікраблог*, *мікраблогінг*, *партал*, *сайт*, *твітар*,

твітар-, трэвел-блог, фітнес-блогер, фэйсбук, фэйсбучны, ютуб, ютуб-, ютубер и др.).

Также лексические миграционные процессы в рамках лексико-коммуникативных групп могут быть связаны с развитием вторичного (переносного) значения слова (для заимствованных слов – в языке-доноре, или в языке-реципиенте). Так, в белорусском языке из разных лексико-коммуникативных групп в группу лексики социально-политической сферы мигрировал ряд слов, развивших переносное значение: *аўрал* (морская лексика), *барбі* (лексика, обозначающая игрушки и развлечения), *рэкардсмен*, *тандэм* (спортивная лексика), *фастфуд* (кулинарная лексика).

Лексические миграционные процессы тесно связаны с событиями, происходящими в обществе, а следовательно, перманентны и предсказуемы только на ближайшее будущее, равно как и тенденции в развитии социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Американизмы: угроза самобытности английского языка? [Электронный ресурс]. – 2012. Режим доступа : https://www.bbc.com/russian/learning_english/2011/07/110722_americanisms. – Дата доступа 23.10.2017
2. Савасцюк, М. Л. Сацыяльна-палітычная лексіка англамоўнага паходжання ў публіцыстычным дыскурсе (семантычны аспект) // Мова – літаратура – культура : матэрыялы IX Міжнар. навук. канф. памяці праф. А. Я. Міхневіча, Мінск, 15 – 16 кастр. 2020 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. А. Радзевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2020. – С. 128–136.
3. Hewitt, Karen. Understanding Britain Today / Karen Hewitt // [Electronic resource]. – 2016. Mode of access :

<https://www.rulit.me/books/understanding-britain-today-read-427621-76.html>. – Date of access : 29.03.2016.

4. Line, Hurriet. Oxford English Dictionary offers definition of Brexit as it adds new words / Hurriet Line // Independent [Electronic resource]. – 2016. Mode of access : <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/brexit-definition-oxford-english-dictionary-add-new-words-2016-a7476271.html>. – Date of access : 15.12.2016.

5. Wilding, Peter. Stumbling towards the Brexit / Peter Wilding // BlogActive [Electronic resource]. – 2012. Mode of access : <https://blogactiv.eu/blog/2012/05/15/stumbling-towards-the-brexit>. – Date of access : 15.05.2012.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА «ПЕРЕВОД» В ЛИНГВИСТИКЕ

Сенчук А.Н.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В докладе определяется значение термина «перевод», а также даются различные трактовки и пояснения данного термина, принадлежащие ученым лингвистам.

Ключевые слова: перевод, преобразование, текст оригинала, речевая деятельность, межкультурное общение, процесс перевода, функция общения.

Перевод играл важную роль в жизни общества с момента своего зарождения. Таким, каким мы его представляем, он зародился в Древнем Риме приблизительно в 1 веке до н.э. Гораций и Цицерон считаются первыми переводчиками в истории. Уже тогда люди осознали важность и необходимость перевода, поэтому данный вид деятельности изучался литературоведами, этнографами и лингвистами.

Существует множество определений термина «перевод». Однако необходимо понимать, что сам термин можно определять по-разному. Прежде всего, он может представлять собой процесс или результат. Как результат он является обозначением готового переведенного текста, а как процесс является обозначением действия по переводу какого-либо текста. Обычный человек, не являющийся переводчиком, чаще понимает под переводом готовый переведенный текст. Переводчик же более склонен полагать, что перевод – прежде всего процесс.

Стоит отметить, что термин «преобразование» не следует понимать в его узком смысле. Мы не преобразуем исходный текст оригинала, ведь он изменяется не сам по себе, а остается постоянным. Переводчик же создает по его подобию новый текст с помощью

переводящего языка. И именно этот новый текст и называется переводом, то есть результатом процесса перевода.

Термин «преобразование» можно понимать как совокупность всех методов, используемых переводчиком в процессе перевода. С помощью определенных методов, или переводческих трансформаций, производится преобразование переводчиком текста оригинала в текст перевода. При этом текст оригинала никак не изменяется, он остается таким же, но по его подобию создается новый преобразованный текст перевода, с которым текст оригинала находится в определенных отношениях. Именно это и понимается под переводом в лингвистике.

«Перевод – это преобразование сообщения на исходном языке в сообщение на языке перевода» [2: 9]. Однако следует заметить, что точный перевод осуществить невозможно, так как языки различаются грамматически, имеют разное количество слов и так далее. Существует различие культур, которое препятствует полной передаче текста на исходном языке на язык перевода. Мы обладаем сопоставительными грамматическими словарями, двуязычными и одноязычными словарями, но не существует подробного справочника, который бы подсказал все различия той или иной культуры от другой.

Р.К. Миньяр-Белоручев понимает перевод как «вид речевой деятельности, удваивающий компоненты коммуникации, целью которого является передача сообщения в тех случаях, когда коды, которыми пользуется источник и получатель, не совпадают» [5: 195]. Автор дает коммуникативное определение термину и рассматривает его еще и с точки зрения исполнителя, а не только получателя. По его мнению, роли исполнителя и адресата одинаково важны.

В.Н. Комиссаров рассматривает процесс перевода как средство межкультурного общения [3: 42]. По мнению автора, перевод является ключевым элементом в общении людей, говорящих на разных языках.

В.С. Слепович говорит, что «перевод – средство, которое

обеспечивает выполнение языком функции общения» [6: 4]. В его определении еще раз подчеркивается важность коммуникативной функции процесса перевода.

Л. К. Латышев дает следующее определение перевода: «Перевод – вид языкового посредничества, общественное предназначение которого заключается в том, чтобы в максимально возможной мере приблизить опосредованную двуязычную коммуникацию по полноте, эффективности и естественности общения к обычной одноязычной коммуникации» [4: 18]. Перевод действительно способен выполнить данное предназначение, так как он дает возможность эффективного межкультурного общения. М.П. Брандес и В.И. Провоторов определили, что «перевод – вид языкового посредничества, при котором содержание иноязычного текста оригинала передается на другой язык путем создания на этом языке коммуникативно равноценного текста» [1: 7]. Из этого следует, что тексты языка оригинала и языка перевода должны оставаться равноценными. Итоговый текст не должен уступать оригиналу по качеству.

Переводческий процесс требует от переводчика владения знаниями культуры и того языка, с которого осуществляется перевод, и того, на который текст переводится. Но не всегда оказывается так, что переводчик в равной степени понимает обе культуры. В таком случае переводчику остается, полагаясь на свои знания, осуществлять перевод текста и сопоставлять различные культуры. Но все же культурные различия не делают перевод полностью невозможным, хоть и затрудняют процесс перевода текстов, отражающих реалии разных культур. Если же в тексте представлены в основном общекультурные ценности, проблем с передачей данных ценностей при переводе возникнуть не должно.

В.Н. Комиссаров определяет перевод как творческую мыслительную деятельность, выполнение которой требует от

переводчика целого комплекса знаний, умений и навыков, способности делать правильный выбор, учитывая всю совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов [3: 36]. Это сложный и многогранный процесс, а его аспекты лежат в области изучения разных наук. Данный процесс требует полной вовлеченности переводчика и обширных знаний в области языка. От переводчика ожидается умение выбирать лучший вариант перевода, учитывать все возможные аспекты в области лингвистики и экстралингвистики, так как перевод является субъективной реализацией переводчиком отношений, лежащих в области объективного.

Процессом перевода или переводом в узком смысле этого термина называется действие переводчика по созданию текста перевода (собственно перевод). Сам процесс перевода складывается из таких составляющих, как осознание основного смысла текста оригинала и выбор наилучшей версии перевода. Благодаря данным этапам текст оригинала и становится текстом перевода. Действительный перевод происходит в мозгу переводчика, его нельзя увидеть со стороны. Логика действий переводчика в процессе перевода, а также выбор методов перевода, которыми пользуется переводчик, пока не изучены до конца. Теория перевода изучает закономерности процесса перевода и пытается определить, как именно осуществляется данный процесс. В значительной степени перевод строится на соотношении методов организации сообщений в исходном языке и языке перевода. В теории перевода разрабатываются теоретические модели, способные приблизительно описать, как именно осуществляется процесс перевода.

Можно сделать вывод о том, что перевод есть перевыражение или перекодирование. Это перевыражение – процесс, осуществляемый переводчиком. Как уже было отмечено, перевод – творческая

мыслительная деятельность. Переводчик волен создать несколько возможных вариантов перевода и выбрать наиболее подходящий. Таким образом, переводчику предоставлена некоторая свобода выбора, хотя она и не является абсолютной. Количество вариантов в любом случае будет ограничено, переводчик не может придумывать бесконечное количество вариантов, которые будут объективно неправильными. Переводчику предоставляется относительная свобода, которая все же ограничена рамками. Он не может добавлять что-то от себя, видоизменять текст оригинала по своему желанию.

Подводя итог, можно сказать, что перевод представляет собой предмет лингвистической переводческой теории, он является межкузыковой трансформацией текста оригинала с использованием определенных переводческих методов во время процесса перевода. Исходный текст преобразуется переводчиком в новый переводной текст, который эквивалентен исходному тексту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брандес, М.П., Провоторов, В.И. Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков): Учеб. пособие. – 3-е изд., стереотип. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 224с.
2. Казакова, Т. А. Практические основы перевода. English – Russian. Учебное пособие. / Т. А. Казакова. – СПб.: Лениздат; Издательство «Союз», 2002. – 320 с.
3. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. - М.: Высш. шк., 1990. - 253 с.
4. Латышев Л. К. Технология перевода: Учеб пособие для студ. Лингв. вузов и фак. /Лев Константинович Латышев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский центр «Академия» 2005. – 320 с.
5. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. – М.: Московский Лицей, 1996. – 208 с.

6. Слепович В. С. Курс перевода (английский ↔ русский язык),
Translation Course (English ↔ Russian) /В.С. Слепович В.С. – 4-е изд.
перераб. и доп. – Мн.: «ТетраСистемс». 2004. – 320 с.

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ИЛЛОКУТИВНОГО АКТА

Соловцова Е. В.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

Аннотация. В работе рассмотрены формальные и семантико-прагматические параметры иллокуции. Исследовано соотношение иллокутивной силы и иллокутивной цели высказывания.

Ключевые слова: иллокуция, речевой акт, интенциональность, иллокутивная цель, иллокутивная сила.

Речевой акт – «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации» [3, с. 412]. Речевой акт является коммуникативным взаимодействием отправителя и получателя сообщения, которое, по Дж. Остину, имеет триединую структуру: 1) локутивный акт; 2) иллокутивный акт; 3) перлокутивный акт [4, с. 84].

Как речевое действие иллокуция реализует коммуникативное намерение автора, цель употребления того или иного речевого акта (вопрос, информирование, предупреждение, приказ и т. д.), следовательно, иллокутивный акт – это высказывание, языковые средства которого эксплицируют цель адресанта.

Сущность понятия *иллокутивная интенция* состоит в том, что речевое действие как динамический признак предполагает двух участников, один из которых является источником его возникновения, а другой – объектом распространения. Понимание интенционального смысла высказывания и ситуации общения находится в сфере коммуникативной компетенции носителей языка. По определению

М. М. Бахтина, в речевом замысле можно выделить две составляющие: интенциональную (цель продуцента, которая формулируется в речевом акте с учетом коммуникативной ситуации) и пропозициональную (отражает фрагмент действительности и является содержанием высказывания) [1, с. 125].

Эксплицитным средством выражения иллокуции являются перформативные глаголы, обозначающие коммуникативное действие (например, *запрещать, приказывать, советовать* и т. д.), которое в определенном коммуникативно-прагматическом контексте оказывается не просто названием действия, а непосредственно действием. Такой контекст образуется благодаря отнесенности действия к реальному времени и наличию знаков личного дейксиса: ***Приказываю** остановиться! При неподчинении открываем огонь!* [В. Писанов. На границе ходят тучи «дури» // Труд–7, 2003.02]; “*But I **beg** you not to leave me now. I **ask** you in the name of ...” – “I **forbid** you to stay”, said Arnold* (I. Murdoch. The Black Prince).

Речевые акты часто называют иллокутивными, так же, как и глаголы-предикаты в них. Это связано с понятием иллокутивной функции высказывания, которое соотносится с действием, осуществляемым посредством высказывания, а также эксплицирует коммуникативную цель в процессе произнесения определенного акта (иллокутивная цель).

В статье «Что такое речевой акт?» Дж. Серль предлагает разграничивать собственно иллокутивный акт и пропозициональное выражение иллокутивного акта. Например, пропозициональное содержание приказа обусловлено характером действия, которое необходимо выполнить, а иллокутивный акт состоит в непосредственном побуждении к действию. Пропозициональное содержание выражается определенной *иллокутивной силой*. Разграничение иллокуции и иллокутивной силы особенно важно в

непрямых речевых актах, которые характеризуются имплицитной иллокутивной силой и эксплицитной иллокуцией содержания высказывания: *«Его оклеветали», – тихим голосом попыталась вмешаться Екатерина. – «Вы слишком много смотрите телевизор»* [В. Ворсобин. Как корреспондент «КП» работал добровольцем в штабах кандидатов в мэры Москвы // Комсомольская правда, 2013.08.27] = *Прекратите смотреть телевизор.*

Иллокутивная сила высказывания объединяет следующие компоненты: цель речевого акта, психологическое состояние говорящего, корреляцию социальных статусов продуцента и реципиента, связь высказывания с интересами адресата. Осуществление иллокутивного акта основано на комплексном взаимодействии заявленных показателей. Компонентом идентификации иллокутивной функции является семантика глагола и соответствующих глагольных форм, например, глаголы *приказывать, советовать, молить, запрещать, просить* и т. п. имеют иллокутивные функции приказа, совета, мольбы, запрета, просьбы в соответствии с тем, что заложено в их лексическом значении семой каузативности, то есть побуждение реципиента выполнить определенное действие.

Отдельного внимания заслуживают высказывания, не имеющие вербальных компонентов, эксплицирующих иллокуцию и являющихся ситуативно конвенциональными (например, *Я завтра позвоню тебе*). Верная интерпретация подобных высказываний возможна лишь при наличии между коммуникантами общего пресуппозиционного поля. Вне ситуации речевого общения данное высказывание и ему подобные не маркируют той интенции, которая была свойственна для них в пределах ситуации говорения.

Таким образом, иллокутивная функция – это сложная семантическая структура, которая содержит диктум и иллокутивную цель.

Иллокутивная цель рассматривается как определенный «ментальный акт, осуществления которого хочет от слушателя говорящий, или ментальное состояние, в которое говорящий намеревается ввести слушателя» [2, с. 243]. В большинстве случаев иллокутивная цель эксплицируется посредством контекста и / или ситуации. Иллокутивная цель – это ядро, база иллокутивной силы высказывания.

Иллокутивная сила может выражаться эксплицитно, то есть с помощью глагола (причём иллокутивные глаголы в перформативной функции имеют максимальную степень выражения иллокутивной силы высказывания): *Я вам **запрещаю** доводить до присяжных сведения, которые не могут быть озвучены в их присутствии!* [О. Боброва. По обе стороны обвинения. Журналист «Новой» Ольга Боброва сменила профессию и исполнила гражданский долг // Новая газета, 2017.10.18], а также имплицитно (например, в не прямых речевых актах), когда иллокутивная сила является минимальной: ***Не могли бы вы рассказать о британской традиции детской литературы?*** [Беседовала Наталья Кочеткова. «Вырасти – это понять, что родители были неправы» // lenta.ru, 2017.02.22]; ***Would you stay with her if I went away?*** (I. Murdoch. The Black Prince).

Выбор говорящим иллокутивной силы зависит от ожидаемого прагматического эффекта высказывания. Если целью продуцента является лишь информирование адресата, то в этом случае иллокутивная сила будет минимальной (*говорить, рассказывать, сообщать* и т. д.). Прагматический аспект высказываний с данными глаголами сосредоточен в иллокутивном акте сообщения.

Таким образом, иллокутивная сила высказывания проявляется в речевом акте как определенный переход от функции-потенции к функции-реализации, тогда как иллокутивная цель – один из компонентов иллокутивной силы, позволяющий объединить речевые акты в классы. Кроме того, составляющими иллокутивной силы является ее интенсивность, особенности зависимой пропозиции, а также контексты речевых актов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1979. – 156 с.
2. Вендлер, З. Иллокутивное самоубийство / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика : Сборник / Общ. ред. Е. В. Падучевой. – М. : Прогресс, 1985. – С. 238–250.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой [Электронный ресурс]. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с. – Режим доступа : <http://tapemark.narod.ru/les/446c.html> (дата обращения: 28.10.2021).
4. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов : [сборник / общ. ред. Б. Ю. Городецкого]. – М. : Прогресс, 1986. – С. 22–129.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ НОМИНАЦИИ

Тумашевич М. М.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В докладе определяется понятие и сущность языковой номинации, рассматриваются подходы к изучению типологии наименований и закономерности появления новых языковых единиц, а также акты номинации, её способы и средства.

Ключевые слова: ономазиология, первичная номинация, вторичная номинация.

Согласно общеизвестным сведениям, за каждым предметом и явлением в языке преимущественно закреплено определенное, уникальное название. Отсюда и берет начало теория номинации, которая представляет собой процесс наименования, посредством которого знаки языка являются отражением тех или иных обозначаемых объектов.

Теория номинации, или же ономазиология, — один из двух разделов семантики, противопоставленный семасиологии по направлению исследования от вещи или явления к мысли об этой вещи, явлении и к их обозначению языковыми средствами [8].

Иными словами, ономазиологические исследования отвечают на вопрос, каким образом в том или ином языке осуществляется обозначение вещей и явлений [1].

На сегодняшний день в лингвистике явление номинации определяется как «называние, присвоение имени, именование, процесс наименования, обозначение» [9, с.7]; «закрепление за словом понятия, отражающего определенные признаки предметов» [3, с. 15].

Е.С. Кубрякова характеризует акт номинации как «речемыслительный процесс, направленный либо на выбор существующего в языке готового обозначения для именуемого явления и мысли об этом явлении, либо на создание подходящего названия для него» [5, с.253].

Явление номинации включает в себя множество аспектов, а неоднозначность его трактовки обусловлена тем, что термин «номинация» может употребляться для обозначения как формы наименования, так и способа именования. Данное явление представляет собой «путь, который индивид проделывает от предмета, явления, понятия – к слову» [2, с.28].

Если рассматривать номинацию с точки зрения отношения говорящего к обозначаемому, языковые единицы могут иметь разную окраску: эмоциональную (*dad – daddy*), оценочную (*a person – a hero*) и социальной ориентации говорящего (*hi – how are you doing*). Отображение при номинации не только элементов объективной действительности, но и прагматического, субъективного отношения создаёт экспрессивную окраску языковых единиц за счёт особого субъективно-модального компонента значения [8].

Говоря о процессах и структуре актов номинации, следует отметить, что их принято описывать, исходя из понятия «семантического треугольника» (*semantic triangle*), который представляет собой связь «референт (реалия, денотат) – значение (понятие, концепт) – имя». Каждый компонент в таком отношении номинации обладает признаками, которые характерны для деления явлений мира в том или ином языке.

Структура акта номинации представляет собой замысел говорящего и языковые средства реализации данного замысла. Соответственно, говорящий анализирует ситуацию, ее разделение, выделяет особенности и детали, что сказывается впоследствии на

выборе наименования. При этом следует учитывать следующие аспекты: источник номинации (готовая или созданная форма) *policecell* (тюремная камера) – *custodysuite* (*custody*– заключение, заточение; *suite* – номер (в гостинице)); внешняя форма и протяженность номинации (наименование словом, словосочетанием или предложением) *adoll, a beautiful doll, the doll is beautiful*; внутренняя форма (номинация мотивированным или немотивированным знаком) *unfriendly–friend*– морфологическая мотивация (словообразование), *splash – drink* – фонетическая мотивация (синонимия), *mother – tongue* (семантическая мотивация); семантические типы номинации и адекватность акта номинации (уместность, точность).

Различают три основных вида номинации в зависимости от номинативных средств: лексическая номинация (через слово и словосочетание) – представляет собой лексический тип номинации, который направлен на обозначение определенного элемента действительности: качества, процесса, отношения, предмета, какого-либо реального или мыслимого объекта [4]; пропозитивная номинация (через предложение) в качестве номинанта которой служит микроситуация, объединяющая ряд элементов; и дискурсивная номинация (номинация, осуществляемая через текст) [7].

Традиционно, номинация делится на первичную (*primary*) и вторичную (*secondary*). Первичная номинация встречается довольно редко в современных языках и может рассматриваться также как исходная или прямая номинация, для которой характерно простое, однозначное отношение, отражающее элементы действительности (*head – head of the state; wing – to play on the wing*). Вторичная или производная номинация – явление куда более распространенное и подразумевающее собой использование уже существующих языковых

форм в новой функции или форме наименования (*cold-unfriendly, unkind*).

Существует также схожая классификация, которая подразумевает собой два типа номинации: естественную и искусственную. Согласно этому разделению, выделяется четыре вида номинации:

1) номинации, соответствующие нормам и образующиеся естественным путем (собственно первичная номинация);

2) мутации – стандартные номинации, возникающие незаметно для носителей языка (собственно вторичные номинации), номинации, возникшие на основе метафоры, ассоциативном мышлении;

3) номинации, которые создаются сознательно как целенаправленное введение наименования в лексический состав языка (искусственная номинация);

4) «патологическая» номинация, отклоняющаяся от нормы и возникающая как результат влияния экстралингвистических факторов, (искусственная номинация) [10].

По характеру указания имени на действительность выделяют два типа номинации – автономная и неавтономная или же косвенная. Автономная номинация происходит на базе одного имени (*«cool» – 1. of or at a fairly low temperature; 2. showing no friendliness towards a person or enthusiasm for an idea or project*). Вторичные значения слов, в случае приобретения самостоятельной номинативной функции, способны указывать на действительность автономно.

Для неавтономной номинации характерно использование при образовании новой лексической единицы сочетаемой техники языка. Данная единица должна соотноситься со своим значением косвенно. Например, в комбинациях *«cool temper, cool measures»* прилагательное *«cool»* соотносится с обозначаемым *«severe, strict»* только при участии указывающих наименований *«temper, measures»*.

В современной теории номинации в зависимости от обозначаемого объекта также различают ситуативную номинацию, связанную с рациональной оценкой и передающуюся с помощью модальных слов, и номинацию элементную, эмоциональная оценка которой выражается в использовании синонимов [6].

Более того, номинация может рассматриваться как простая, элементная и комплексная или как непосредственная и опосредованная. При элементной номинации обозначается определенный элемент действительности. В событийной номинации в качестве объекта выступает событие или факт, объединяющий ряд элементов. Они характеризуются наличием прямой или не прямой связи номинанта с его именованием. «При непосредственной номинации денотат обозначается тем названием, которое для этой цели существует в языке, опосредованное наименование – соотнесение номинанта с ситуацией разговора» [4, с. 256].

В виду того, что нас окружает огромное количество явлений и предметов, зачастую не хватает отдельных специальных слов, поэтому носители языка могут воспроизводить их с помощью словосочетаний. Так, например, вместо создания одного слова для обозначения железной дороги, в английском языке часто обозначают ее словосочетанием *railway (Br) - railroad (Am)*.

Единицами номинации считаются также и словосочетания, которые включают в себя: устойчивые сочетания слов, свободные сочетания, воспроизводимые в речи по продуктивным языковым моделям и устойчивые обороты, использующиеся в речи в «готовом виде».

Предложение –номинация особого рода, денотатом которой является не предмет, а целая ситуация. Следовательно, теория номинации может изучать как слово, так и предложение, рассматривая их и сравнивая, руководствуясь одной точкой зрения,

поскольку слово, словосочетание и предложение подчиняются одним и тем же законам, имеют единую функцию наименования, и общие признаки.

Таким образом, теория номинации – это довольно перспективная и развивающаяся область исследования, в рамках которой ставятся многие актуальные проблемы общего языкознания. Несмотря на вполне серьезную изученность и разработанность, теория номинации и ее механизмы по-прежнему продолжают вызывать научный интерес у лингвистов, философов, психологов и многих других исследователей, поскольку проблема номинации представляется важнейшей частью более общего вопроса о природе и сущности имени в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов/ О.С. Ахманова. – М., 1969. – 607 с.
2. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология / В.Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977. , – 264с.
3. Колшанский, Г.В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации / Г.В. Колшанский// Языковая номинация: Общие вопросы: Сб. ст. / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания; Отв. ред. Б.А.Серебренников, А.А.Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – 99-146 с.
4. Кравец, Я.Ю. Общие вопросы и виды номинации / Я.Ю. Кравец; НИУ БелГУ // III Селищевские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию со дня рожд. Афанасия Матвеевича Селищева, Елец, 22-23 сент. 2011 г. / М-во образования и науки РФ, Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина, каф. теории и истории рус. яз.; отв. ред. Т.М. Свиридова. – Елец, 2011. – 253-258 с.
5. Кубрякова, Е.С. Теория номинации и словообразование/ Е.С. Кубрякова. – М., 2010.

6. Новичихина, М.Е. Коммерческое название, рекламный текст, бренд, товарный знак, номен: разграничение понятий / 258 М.Е. Новичихина // Вести. ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. – 2004. – 165-170 с.

7. Серебренников, Б.А. Языковая номинация. Общие вопросы / Б.А. Серебренников. – Москва: Наука, 1977. – 360 с.

8. Телия, В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Телия; под ред. В.Н. Ярцевой. – 2-е изд., доп. – Москва: Большая Российская Энциклопедия, 2002. – 458 с.

9. Торопцев, И.С. Словопроизводственная модель / И.С. Торопцев. – Воронеж: ВГУ, 1980. – 148 с.

10. Ульянова, Н.П. Соотношение стихийных факторов и сознательного регулирования в механизмах языковой номинации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1983. - 26 с.

ПОЛИСЕМΙΑ АНАТОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОМОНИМОВ)

Шкель В.Б.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается полисемия сомонимов в английском и белорусском языках, причины ее появления и разновидности.

Ключевые слова: сомонимы, полисемия, междотраслевая полисемия, внутритраслевая полисемия, термины.

Термин – основной элемент любой терминологической системы языка. Ему присущи однозначность, точность, системность, краткость, эмоционально-экспрессивная нейтральность, отсутствие модальной и стилистической функции, безразличие к контексту [2, с.33].

Термины – неотъемлемая часть языка, поэтому они должны подчиняться законам языка, которые во многом противятся попыткам регулирующего вмешательства. По мнению Н.Б. Мечковской, «в качестве члена системы специальных обозначений термин управляет: термины придумываются в лабораториях и кабинетах, их упорядочивают в терминологических комиссиях, пропагандируют в «рекомендательных списках» и т.д. Однако в той мере, в какой термины остаются «просто» словом, они сопротивляются регламентации. Они сохраняют и/или развивают многозначность, при этом чем более употребителен термин, тем более он многозначен. Традиционная лексика профессионального просторечия не спешит уступить место рекомендованным нововведениям. И все же термины, в сравнении с обычной лексикой, в большей мере доступны сознательному регулированию» [3, с.136-137].

Полисемия, или многозначность, слова – это наличие у слова нескольких взаимосвязанных значений, характеризующихся общностью одного или более семантических компонентов [4, с.43]. Многозначность терминов считается главным недостатком терминологии, который, тем не менее, не затрудняет понимание, в том случае, если разные значения слова относятся к разным отраслям научного знания. Специальная лексика заимствует у общеразговорной значительную часть своего состава, при этом по-новому сочетая различные элементы и переосмысляя их, а в дальнейшем возвращает назад ряд слов в новых значениях. В настоящее время вопрос о многозначности терминов практически не оспаривается в современной лингвистике. Более того, появилось понятие «терминологическая многозначность». Это «обозначение одним термином разных денотатов или понятий, относящихся к одной или нескольким близким областям знания, отражающее логико-содержательные связи общих когнитивных признаков понятий данной области (областей) знания, что проявляется в значениях наличием общих сем» [5, с.16].

Причины появления многозначности термина:

- существование различных терминологических систем, где одни и те же звуковые комплексы применяются для обозначения разных понятий (междисциплинарная полисемия);
- разделение понятия на два и более самостоятельных понятий в связи с развитием научных знаний, для их выражения в пределах одной и той же микросистемы используется один и тот же звуковой комплекс (внутридисциплинарная полисемия);
- категориальная многозначность: когда один и тот же звуковой комплекс благодаря своей словообразовательной структуре выражает категориально различные значения (предмета и процесса, состояния и действия, действия и его результата и др.) [6, с.423].

С.В.Гринев выделяет две основные причины развития терминологической полисемии: «появление нового понятия, имеющего сходные черты с понятием, называемым данным термином, и развитие и видоизменение понятия, вызывающего необходимость в расщеплении семантики называющего его термина» [1, с.101].

Проведя количественное и качественное исследование сомонимов, были выявлены 83 англоязычных и 68 белорусскоязычных многозначных терминологических единиц. Учитывая специфику терминов, семантика которых во многом определяется той понятийной сферой, к которой относится термин, нами выделено три разновидности полисемии в анатомической терминологии: внутриотраслевая, межатраслевая (относится к разным областям специальных знаний) и полисемия с выходом за пределы специальных знаний. Количественные данные по этим разновидностям представлены в таблице 1.

Таблица 1. Разновидности полисемии в анатомической терминологии английского и белорусского языков

Вид полисемии	Английский язык		Белорусский язык	
	Единицы	проценты, %	единицы	проценты, %
Внутриотраслевая	23	27,8	21	30,9
Межатраслевая	30	36,1	12	17,6
С выходом за пределы специальных знаний	30	36,1	35	51,5
Всего	83	100	68	100

Анализируя полученные данные, можно сделать вывод о том, что в английском языке полисемантические термины скорее имеют иное значение за пределами анатомии (36,1%), чем внутри данной отрасли (27,8%). В белорусском языке в 51,5% случаев анатомические

термины представлены в других отраслях (техника, география, строительство и т.д.), в то время как межотраслевая полисемия насчитывает наименьшее количество терминов (12 единиц).

Среди исследованных многозначных терминов выявлены следующие случаи внутриотраслевой полисемии: *breast* – 1. молочная [грудная] железа, грудь; 2. грудная клетка; *wrist* – 1. запястье; 2. кости запястья; кистевой [запястный] сустав; *калена* – 1. часть ноги, соответствующая сочленению бедра и голени, 2. общее название изогнутых участков некоторых анатомических образований; *плячо* – 1. часть туловища от шеи к руке; 2. верхняя часть руки до локтевого сустава; 3. тыльная сторона туловища от шеи до пояса; спина. К внутриотраслевой полисемии мы относим категориальную многозначность, которая выражает категориально различные значения и основана на метонимическом переносе (целое - часть): *neck* – 1. шея; 2. шейка (напримр грыжевого мешка); *supercilium* – 1. бровь; 2. отдельные волосы брови. Отсутствие большого количества данных примеров объясняется исследуемым материалом.

В анатомической терминологии отмечены случаи межотраслевой полисемии терминов с выходом за пределы исследуемой подотрасли: *vertex* – 1. темя; 2. краниометрия верхушечная точка (самая верхняя точка темени по средней линии); *cilium* – 1. ресница; 2. цитология ресничка, кинетоцилия; *mouth* – 1. ротовое отверстие, рот, ротовая щель; полость рта; 2. зев; 3. анатомическое отверстие, устье; *кісь* – 1. анат. часть руки от запястья до кончиков пальцев; 2. зоол. крайний отдел скелета передних конечностей наземных позвоночных животных и окружающие его ткани; *далонь* – 1. внутренняя сторона кисти; 2. ботанич. лист дерева или его верхняя часть; 3. растительный покров. Межотраслевая полисемия во многом является проявлением «человеческого фактора» в терминологии, поскольку зачастую сводит вместе понятийные системы, кажущиеся совершенно различными. В

основе данной полисемии лежит метафоризация: *eye* – 1. глаз; 2. ушко (иглы); глазок; *pelvis* – 1. таз; 2. нижняя часть туловища; 3. чашевидная полость (например, почечная лоханка); *arm* – 1. рука, верхняя конечность (исключая кисть); 2. плечо (сегмент верхней конечности от туловища до локтя); 3. отросток, ветвь; луч; вырост; 4. плечо (хромосомы); 5. медтехника фиксирующая дуга кламмера.

Термины, характеризующиеся выходом за пределы специальных областей, имеют давнюю историю и образовались на базе общей лексики: *foot* – 1. ступня, нога; 2. фут; 3. стопа (проза); 4. пехота; *head* – 1. голова; 2. мера измерения; 3. ум/разум; 4. орел монеты; 5. люди/особы, 6. поголовье скота, 7. жизнь; 8. начало; 9. глава, старший; 10. категория/разряд; 11. кульминация, переломный момент; 12. головка (растений); *heel* – 1. пятка; 2. каблук, набойка; 3. пятка носка; 4. хам, поддонок; *паясніца* – 1. часть спины ниже пояса, талии; 2. полоса ткани, которая пришивается к верхней части юбки, брюк; *шчака* – 1. боковая часть лица от скулы к нижней челюсти; 2. боковая плоская часть поверхности чего-либо; 3. высокие крутые скалистые берега реки, высокие склоны ущелья.

Таким образом, анализ англоязычных анатомических терминов выявил преобладание межотраслевой и с выходом за пределы специальных знаний полисемии (при одинаковом их количестве) над внутриотраслевой. В белорусском языке среди сомонимов доминируют термины, которые представлены в различных отраслях науки.

ЛИТЕРАТУРА

1.Гринев, С.В. Введение в терминоведение / С.В.Гринев. – М.: Московский Лицей. – 1993. – 309 с.

2.Лотте, Д.С. Как работать над терминологией. Основы и методы. /Д.С.Лотте. - М.: Изд-во «Наука», 1968. – 76 с.

3. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. – 2-е изд., испр./ Н.Б. Мечковская. - М.: Аспект-Пресс, 2000. – 206 с.

4. Харитончик, З.А. Лексикология английского языка: учебное пособие /З.А.Харитончик. – Минск: Вышэйшая школа, 1992. – 229 с.

5. Ходакова, А.Г. Системная семантика термина (на материале англоязычных терминов интернета): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10. 02. 04 /А.Г.Ходакова; Белгородский государственный университет. - Белгород, 2010. – 20 с.

6. Чернявский, М.Н. Краткий очерк по истории и проблемам упорядочения медицинской терминологии /М.Н.Чернявский // Энциклопедический словарь медицинских терминов. – М., 1984. – Т. III. – С. 423.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ УРОВНЕЙ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ПОЛЕЙ АНТОНИМИЧЕСКИХ ПАР РУССКОГО ЯЗЫКА

Шкурская Н.М.

Белорусский государственный университет

Аннотация. Ассоциативные связи между стимулом и реакцией отражают полисемантическое слово в совокупности его значений, прежде всего, стандартные семантические связи в системе языка, связи регулярные и частотные.

Ключевые слова: уровни пересечения полей, ядро, заядерный уровень, периферия, ассоциативное поле.

Системные отношения в лексике являются одним из наиболее важных вопросов, рассматриваемых в современном языкознании. Как известно, полевой подход был намечен И. Триром и Г. Ипсеном в трудах 1920-х гг. [2, с. 56]. В современном языкознании он получил широкое распространение.

Поля рассматриваются как системные образования, которые обладают не только собственной спецификой, но и связями и отношениями, свойственными любой системе.

В ассоциативное поле стимула входят реакции, отражающие «нестандартные семантические связи». Они не являются регулярными, носят индивидуальный, часто окказиональный характер, т.е. это более глубинные связи.

Ассоциативное поле слова как полевая структура любого явления предполагает ядро и периферию. Ядро опирается на реакции-стереотипы, доминирующие ассоциации, опирающиеся на нормативные явления, наиболее частотные, как правило, лингвистически интерпретируемые, т.е. опирающиеся на разные виды связей: синонимические связи, антонимические связи, гиперогипонимические связи. В ближнюю периферию входят реакции, у

которых отсутствует один из ядерных признаков, данные реакции имеют большую яркость и являются сильновероятностными. Периферия ассоциативного поля представлена в основном малочастотными, единичными реакциями, в составе которых можно увидеть маловероятные, т.е. нетиповые, уникальные ассоциаты. Поскольку они малочастотны, их связь со словом-стимулом зачастую имплицитна.

При анализе ассоциаций в семантических полях (стимул – прилагательное, существительное и глагол) были выявлены следующие закономерности:

1. Прилагательные.

а) прилагательные, обозначающие цвет, представлены 3 уровнями – ядром, заядерной и периферийной областями: например, пара **черный – белый**: ядерный уровень – 8 реакций (для стимула «черный») – 5 реакций (для стимула «белый»), заядерный – 6 – 6, периферийный – 18 – 21.

б) у качественных прилагательных наблюдаются 3 закономерности:

1) доминирующая закономерность – отсутствие у одного из стимулов антонимической пары ядра: например в паре **горький – сладкий**, у стимула «сладкий» наблюдается отсутствие ядра, а у стимула «горький» ядро представлено 16 реакциями.

2) наличие 3-х уровней: **твердый – мягкий**: ядро – 7 – 11, заядерный уровень – 7 – 7, периферия – 18 – 14.

3) отсутствие заядерного уровня: в паре **смелый – трусливый** наблюдается отсутствие заядерного уровня у стимула «трусливый».

2. У **существительных**, называющих лица, и у деривационных существительных наблюдается отсутствие у одного из стимулов (или обоих) ядерного уровня: в паре **карлик – гигант** отсутствуют реакции на ядерном уровне у стимула «гигант», а в паре **опасность –**

безопасность отсутствует ядерный уровень у обоих стимулов.

У существительных, обозначающих состояние, семантическое поле охватывает все три уровня: например, пара **здоровье – болезнь**: ядро составляет 8 и 8 реакций, заядерный уровень представлен 3 – 3 реакциями, периферия 21 и 21 случая соответственно.

3. У глаголов, как и у существительных, наблюдается преобладание всех трех уровней, например **ослабить – укрепить**: ядро насчитывает для стимула «ослабить» 6 реакций, для стимула «укрепить» - 10 реакций, заядерный уровень представлен 7 и 7 случаями, а периферия 19 и 15 реакциями соответственно.

Исходя из проанализированного материала, можно сделать следующие выводы:

- ядро реакций отражает постоянный, обязательный признак предмета;
- в заядерный уровень входят реакции, у которых отсутствует один из ядерных признаков, данные реакции имеют большую яркость и являются сильновероятностными;
- к дальней периферии относятся слабовероятностные, скрытые и эксклюзивные негативные реакции;
- семантическое поле, представленное обширной периферией, как правило, незамкнуто, что предполагает возможность вхождения составляющих его единиц в другие семантические поля с более строгой иерархической структурой;
- граница между ядерными и периферийными уровнями является иногда нечеткой, размытой.

При характеристике семантических структур слов-антонимов в лингвистических работах чаще всего указывается свойственная антонимам семантическая общность, которая проявляется в соотносительности значений, в принадлежности антонимов к одной лексико-семантической парадигме или в том, что они выражают одно

и то же родовое понятие. В синтагматике семантическая близость антонимов проявляется в сходстве их синтаксической и лексической сочетаемости с другими словами.

Совпадение значительного числа ассоциативных реакций на одни и те же исходные слова в условиях свободного эксперимента наглядно свидетельствует о возможности совпадения уровней идентификации исходных слов.

Так совпадение ассоциативных реакций характерно для прилагательных и глаголов русского языка, а для существительных пересечение полей носит единичный характер.

Например, сравним прилагательные *легкий* – вес (3), *характер*, *слабый* (2), *пакет* (2), *голос* (6);

тяжелый – вес (5), *характер*, *слабый*, *пакет*, *голос*

горячий/холодный – чай, *теплый*, *воздух*

черный/белый – цвет, *шоколад*, *чай*

глаголы *открывать/закрывать* – дверь, окно, холодильник, крышку

хвалить/порицать – ребенок, себя, кого-то

и существительные *сухость/влажность* – погода

карлик/гигант – великан

здоровье/болезнь – поликлиника

ноги/голова – болят

опасность/безопасность – движения и т.д.

Характеризуя прилагательные и глаголы, можно предположить, что они являются оппозициями с устойчивой взаимной связью в отличие от существительных. Однако, анализируя ассоциативные связи, оказывается очевидным, что иногда основанием сравнения при противопоставлении не обязательно являются логические признаки. Ситуация, чувственный образ также могут являться основой восприятия конкретных стимулов.

В этой связи кажется уместным предположение, что в данном случае мы имеем дело не с понятийным, а с ситуативным обобщением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И.В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста / И.В. Арнольд // Текст как объект комплексного анализа в ВУЗе. – Л., 1984. – С. 3–11.

2. Артемова, Н.В. Полевая организация глагольной лексики в современном русском языке / Н.В. Артемова. – М.: Прометей, 2002. – 160 с.

3. Вердиева, З.Н. Семантическое поле в современном английском языке / З.Н. Вердиева. – М.: Высшая школа, 1986. – 118 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Понятие эмоционально-оценочной лексики <i>Адамович Е.А.</i>	3
Лингвистические аспекты изучения процесса восприятия <i>Астапкина Е.С.</i>	10
Фразеологизмы в англоязычной прессе и особенности их перевода на русский язык <i>Белая Л.В.</i>	15
Молодежный сленг на современном этапе развития языка <i>Гарлукович Д.С.</i>	21
Англицизмы в русскоязычных СМИ <i>Голубь А.В.</i>	27
Субстантивные неолексемы в региональной периодике <i>Горегляд Е.Н.</i>	33
Компаративный анализ грамматических систем эсперанто и русского, итальянского, английского языков <i>Гуляй А.В.</i>	38
«Народная экономика» в английских и русских поговорках о бедности и богатстве: ментальные сходства и различия <i>Дацинская О.А.</i>	46
Семантико-денотативная организация фразеосемантического поля страха в русском и английском языках <i>Загорская А.С.</i>	53
Переводческие трансформации при дублировании кинофильма Райана Джонсона «Knives out» <i>Зяткина У.В.</i>	63
Особенности перевода реалий художественного текста: на материале романа «Маленькие женщины» Луизы Мэй Олкотт <i>Каврус Н.А.</i>	69
Возможности текстового поиска в шведском подкорпусе НРКЯ <i>Ковалевская К. В.</i>	75
Роль сленга в межкультурной коммуникации на русском и английском языках: сравнительный аспект <i>Ковальчук А.В.</i>	81
Внутриязыковая фонетическая интерференция как риторический приём на примере всемирной новостной службы BBC <i>Косак Е.А.</i>	87
Каламбур как объект лингвистического исследования <i>Кучук П.В.</i>	92

Реализация комизма в произведении Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» <i>Матвейчик Е.И.</i>	99
К вопросу о произносительной норме итальянского языка <i>Мельникова Л.С.</i>	106
Морфологический аспект обращений <i>Миронова Е.О.</i>	111
Окказионализмы и способы их создания <i>Рудинская А.Г.</i>	116
Семантическая организация и средства выразительности в паремиях о языке и сознании <i>Сабурова З.Н.</i>	123
Лексические миграционные процессы (на примере английского и белорусского языков) <i>Савастюк М.Л.</i>	128
Определение термина «перевод» в лингвистике <i>Сенчук А.Н.</i>	133
Семантико-прагматические параметры иллокутивного акта <i>Соловцова Е.В.</i>	139
Проблемы теории номинации <i>Тумашиевич М.М.</i>	144
Полисемия анатомической терминологии английского и белорусского языков (на материале сомонимов) <i>Шкель В.Б.</i>	151
Систематизация уровней пересечения полей антонимических пар русского языка <i>Шкурская Н.М.</i>	157